

М. Н. СПЕРАНСКИЙ

**Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453)
в русской письменности XVI—XVII веков**

V¹

Как было отмечено,² пространная хронографическая повесть о взятии Царьграда турками (1453) объединяет вокруг себя в рукописных сборниках XVI—XVIII веков комплекс произведений о судьбах Византии. Чаще других в составе этого цикла встречаются:³

1) Сказание о происхождении Византии и ее названия (Увар. 670, в 4-ку; Увар. 138, Увар. 906; ГИМ 1305; Востр. 1132; Заб. 241; Погод. 1538);

2) Сказание о построении Царьграда Константином Великим (Троицк. 773; Увар. 138, Увар. 566, Увар. 670, Увар. 906, Увар. 1052; ГИМ 3144, ГИМ 1305, ГИМ 1388; Востр. 1132, Востр. 531, Востр. 954, Востр. 536; Синод. 792; Барс. 1525, Барс. 1548; Заб. 445; Погод. 1619, Погод. 1624);

3) Имена Царьграда — о числе ворот, башен, их наименования (Барс. 1530; Больш. 435; Увар. 542);

4) О царях турецких: «откуда беша» (Заб. 241, Заб. 445; Увар. 906);

5) Сказание Ивана Пересветова о Махмете, како хоте сожещи книги греческие (Заб. 488, Заб. 684; Увар. 906);

6) Ин перевод [сказание⁴] о падении Царьграда (Троицк. 811; Никоновск. лет. — ГПБ, F.IV.143; БАН 399);

7) Сказание о построении церкви Софии царьградской и толкование о св. Софии (Синод. 792; Увар. 537);

8) Повесть о Казарине (Синод. 792; БАН 399);

¹ Начало см.: Труды ОДРА, X, стр. 136—165.

² Там же, стр. 138—139.

³ В скобках указываю просмотренные мною тексты. Сокращенные обозначения этих текстов приняты мною следующие: Увар. — собрания Уварова, ГИМ — Гос. Исторического музея, Востр. — Вострякова, Синод. — бывш. Московской синодальной библиотеки, Барс. — Барсова, Заб. — Забелина, Хлуд. — Хлудова, Чуд. — бывш. Чудова монастыря в Москве, Епарх. — бывш. Епархиальной библиотеки в Москве, Единоверч. — бывш. Единоверческого Николаевского монастыря в Москве, Щук. — Щукина (все эти собрания — в Гос. Историческом музее в Москве), Больш. — Большакова, Троицк. — бывш. Троице-Сергиевой лавры (оба собрания — в Библиотеке СССР им. Ленина в Москве), ГПБ — Гос. Публичной библиотеки в Ленинграде, Погод. — Погодина, БАН — Библиотеки Академии Наук СССР в Ленинграде.

⁴ Ср.: И. И. Срезневск^{ий}. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II, вып. 3. СПб., 1900, стр. 899.

9) Перечень византийских царей (Никоновск. лет. — Троицк. 773).

Но не перечисленные статьи входят всякий раз в комплекс хронографической повести; чаще других встречаются такие группировки отдельных повестей о Царьграде:

а) Построение Царьграда, Взятие Царьграда турками (Троицк. 773; Увар. 537, Увар. 566, Увар. 531, Увар. 1052, Увар. 954; ГИМ 1388; Синод. 792; Погод. 1619, Погод. 1624; Барс. 1548);

б) Происхождение Византии, Построение Царьграда, Взятие Царьграда турками (Востр. 1132; Увар. 138, Увар. 906; Заб. 445);

в) Происхождение Византии, О турских царях, Взятие Царьграда турками (Заб. 241, Заб. 445);

г) Взятие Царьграда турками, Сказание Ивана Пересветова (Заб. 488; Увар. 906).

К этим, так сказать, основным группам сказаний в отдельных списках присоединяются те или иные из перечисленных статей, то по одиночке, то по несколько сразу. Есть в рукописных текстах и такие группы, правда, реже, где группируются (большей частью в Хронографах) некоторые из перечисленных статей, но без хронографической повести (например, ГИМ 3144 — только «Происхождение Византии» и «Построение Царьграда»).

Несколько иной, но в основе аналогичный охарактеризованному комплекс статей о Царьграде представляют печатные издания сказания о взятии Царьграда турками и списки с них XVIII века; он довольно уютчив в своем составе, в него входят:

1) Повесть Иосифа Флавия о пленении Иерусалима Титом;

2) «История вторая о пленении славного Царяграда (иже Константинополь и Новый Рим нарицается)»; это — переработка и новая редакция той же хронографической повести;

3) выписка из перевода с латинского «Opus chronologicum» (1606) Кальвизия (иначе Seth Kellwitz) сведений, касающихся осады Константинополя турками;

4) такая же выписка из перевода «Архонтологии» Иоганна Людовика Готофреда;

5) выписка из Степенной книги о том же;

6) статьи о св. Софии цареградской;

7) Пророчество царя Константина на его гробе, истолкованное Геннадием патриархом.

Таков состав изданий 1713 и 1716 годов (Москва) и рукописных текстов: Заб. 199, Заб. 200, Заб. 512; ГПБ, О.ХVII.31; ГИМ 3693. и мн. др.

Таким образом, намечаемый мною старший комплекс с его видоизменениями охватывает собою почти все циркулировавшие в старой русской письменности сказания о Царьграде. Вне этого комплекса стоят только упомянутый плач и летописные рассказы. Первый обычно встречается в качестве одной из статей старшей редакции Хронографа вместо обычной хронографической повести (Барс. 1787; Хлуд. 184; Погод. 1439, и др.), вторые помещаются обыкновенно среди известий о русских событиях XV века (см.: ПСРЛ, II, стр. 356—357; Соф. врем., II, стр. 63; ПСРЛ, VI, Соф. II, стр. 180; ПСРЛ, XX, Львовск., стр. 262).

Если сюда присоединить несколько текстов повести среди югославянских рукописей (каковы, например, Шафарик 10, 28, 29), то мы бу-

дем иметь весь основной материал для истории сказаний о взятии Константинополя турками в старинной письменности.

VI

Трагическая судьба Царьграда в 1453 году несомненно возбуждала живой интерес на Руси. Появлению письменных переводных и оригинальных произведений предшествовали слухи и устные сообщения, приносимые людьми или из «греческих» земель, или с Запада. Последнее особенно могло усилиться после начала переговоров о браке Зои Палеолог с великим князем. Конечно, эти устные сказания, подчас отрывочные, отдельные слухи непосредственно нам теперь недоступны в том виде и количестве, в каком они тогда расходились, но отзвуки их мы все же имеем возможность уследить в современной письменности. Я имею в виду те известия о Константинополе и его гибели (не зависящие от известных нам письменных специальных памятников), которые по своему фольклорному характеру могут быть возведены к устным рассказам как своим источникам.

Что такие рассказы действительно существовали, не только можно предполагать, но можно привести и фактические данные, притом от довольно раннего времени. Достаточно припомнить грамоту митрополита Ионы, данную в 1454 году Дмитрию Греку для сбора милостыни: «сесь... человек христианин православный, на имя Дмитрей, гречин пришел до нас от великого... того царствующего Константинаграда и поведал нам, что попущением божим, грех наших, от коликих лет не приемлемый и богом хранимый великий Константиноград безбожные туркове приаща, святых божия церкви и монастыреве разориша и святых мощи изожгоша, старцев же и стариц и иноков и инокинь, и весь греческий род многолетних огню и мечу предаша, а уных и младых в плен поведоша».¹ Ясно, что все это попало в грамоту со слов пропителя.

К таким отзвукам устных рассказов, записанных и обработанных человеком, осведомленным и интеллигентным, я склонен отнести и одно место из записи о бегстве вел. кн. Софии в Белозерский край, попавшей в Софийский временник под 1481 годом.² Составитель³ этой записи желает побудить сынов русских не щадить голов своих на защиту отечества от поганых: «да не узрят очи ваши пленения и ограбления святым церквам и домом вашим и убиения чад ваших, и поругания женам и дщерям вашим, якоже пострадаша инии велици славнии земли от турков, еже Болгаре, глаголю, и рекомии Греки, и Трапезонь, и Амория, и Арбанасы, и Хорвати, и Босна, и Манкуп, и Кафа, и инии мнозии земли. иже не сташа мужествени... Тако ми бог дал, видех своима очима грешныма великих государь, избегших от турков... скитающихся, яко страннии».⁴

Из того же устного источника идут и встречающиеся в летописных текстах сообщения о взятии Царьграда, большей частью помещаемые под 1453 годом среди известий о русских событиях, после смерти Ше-

¹ Акты исторические, т. I. 1841, № 264, стр. 496.

² Софийский временник, II. М., 1820—1821, стр. 221—222. Тот же текст в Соф. II летописи (ПСРЛ, VI, стр. 232), а также во Львовской (ПСРЛ, XX).

³ С. М. Соловьев приписывает эту запись дьяку Курицыну, А. А. Шахматов — архиеп. Вассиану, В. С. Иконников считает ее записанной со слов Константина Грека, впоследствии Кассиана Углицкого (см.: В. С. Иконников. Опыт русской историографии Киев, 1908, II, 1, стр. 911—912).

⁴ Ср. несколько иной перечень царств в плаче (ПСРЛ, XXII, стр. 439).

мяки.¹ Эти летописные сообщения во всех списках, кроме Тверской и может быть Ростовской летописей, одинаковы и идут из одного общего источника — первоначальной записи в каком-нибудь летописном сборнике.² Вот этот небольшой рассказ по Софийскому времени: «Того же лета прииде царь турской ко Царюграду и положе [?] Мустофа Амуратовичь и взя Царьград прелестию. Посла к наместнику цареву рече: Сотвори ми се, яко возму Царьград; аще ли возму то поиму дщерь твою жену, и будеши мне отець и второй в царстве моем. Он же веле приступати ему от Лимени, идеже стена трухова. И бив пушками, взя Царьград и церкви святыя разори, в Софеи великой мизгить учини. а людей множество посече, а инии истспоша в мори, а сам седе в нем; наместника того повеле в котле варити и злой смерти предаде его и рече ему: Как ты мне хочеши верен быти, а как сотвори над предним своим государем?»

В этом рассказе налицо характерные черты фольклорного повествования: взятие города хитростью или предательством, обещание высокой награды предателю, справедливое возмездие ему за предательство («в котле варити») — все это мотивы, распространенные в устных сказках и анекдотах. С другой стороны, в рассказе сохранились отзвуки фактических событий, показывающие не только относительную близость рассказа ко времени самого события, но и опять-таки устный источник этих сведений. Турки действительно направили свои удары на наиболее слабую часть константинопольских стен, как о том говорили позднее и письменные источники; при осаде города действительно большую роль играла артиллерия (ср. выше хронографическую повесть); св. София обращена была в мечеть; завоевателем Царьграда составитель считает Мустафу (в действительности он не был сыном Амурата, а его братом, и ко времени осады Царьграда его уже не было в живых). Наконец, приведенный рассказ еще не знает имени предателя, хотя и знает, что он был крупным сановником — наместником самого царя.³ Словом, данный летописный рассказ содержит в себе запись слухов, дошедших в Россию, но уже в некоторой обработке фольклорного характера.

Коротенькая заметка о взятии Царьграда читалась в Ростовской летописи, но и она выдает свое устное происхождение, приписывая взятие Константинополя тому же Мустафе Амуратовичу: «Того же лета [1452] маиа в 29 день взят бысть Царьград от безбожных турок от Мустофы Муратовича».⁴

Своеобразна и независима от упомянутых небольшая заметка Тверской летописи; она сообщает только одну деталь в связи с падением Царьграда: «Того же лета взят бысть Царьград от царя турского от салтана; а веры руския не преставил, а патриарха не свел, но один зvon отнял. У Софии премудрости божия и по всем церквам служат литургию

¹ В поздних летописных сводах, каковы Воскресенский или Никоновский, эти сообщения, как мы видели, заменены повестью хронографической, иногда с присоединением после нее «Иного перевода» и «Сказания» Пересветова.

² Таковы Соф. врем. (II, стр. 63), Соф. II (ПСРЛ, VI, стр. 180), Львовск. (ПСРЛ, XX, стр. 262).

³ На основан и письменных источников мы можем догадываться, что под этим «наместником царя» скрывается кир Лука, великий дука, имевший в руках большую власть; в то же время поведение его, судя по источникам, в среде современников считалось далеко не безукоризненным по отношению к царю и согражданам. См.: И. И. Срезневский. Повесть о Цареграде. Ученые записки II отд. Акад. Наук, кн. I, отд. III, СПб., 1854, стр. 61—68.

⁴ См.: А. А. Шахматов. О Ростовской летописи. Чтения ОИДР, М., 1904 I, стр. 35.

божественную и заутреню и вечерню поют без звону, а Русь в церкви ходят, а пение слушают, а крещение Русское есть».¹ Вероятнее всего, эта заметка, несколько искаженная уже в передаче («русская» вера, «Русь», «русское» крещение), идет от рассказа кого-либо, побывавшего в Константинополе вскоре после его взятия турками.

Как можно заключить из нашего обзора, отзвуков устных сообщений о взятии Царьграда в письменности сохранилось очень немного, особенно если принимать во внимание важность для русских людей самого события, а также и то, что первое время после взятия Константинополя эти устные рассказы были единственным источником сведений об этом событии, а приток беглецов из греческих земель в это время был особенно обилен в России. Таких устных рассказов, надо полагать, особенно было много преимущественно в правящих кругах, для которых эти рассказы имели и некоторый практический интерес, главным образом в политическом отношении. Московское правительство XV—XVI веков, как известно, даже прямо для этих политических целей собирало сведения о соседях, близких и дальних, записывало показания пришельцев («сказки», «опросные речи»), поручало собирать своим агентам («статейные списки»); часть этих сведений и сохранилась в столбцах московских приказов. Рассказы, занимательные в бытовом смысле (например, о чудесах, явлениях природы, обычаях и т. п.), изредка записывались и еще реже сохранялись, особенно для старшего времени (XV—XVI века).² Некоторая часть сохранившихся записей, правда, касается Царьграда, но к занятию его относится лишь одна (бывш. Рум. муз., № 63, XVI в.), да и та говорит (притом ошибочно) о годе взятия Царьграда и называет Мустафу как завоевателя.³ Несомненно, что сохранившиеся записи о Константинополе в XVI и XVII веках имели своим предметом позднейшее состояние Греции под турецкой властью, как более интересное для современников. Острота впечатления от взятия Царьграда (получившая такое яркое выражение в повестях начала XVI века) уже значительно притупилась. Продолжая интересоваться Грецией, интересовались другими сторонами ее жизни, более близкими современности, каковы общественные бедствия в Константинополе (землетрясения, необыкновенной величины выпавший град), или так называемые чудесные явления (всегда привлекавшие внимание) или же просто сведения о быте тамошних христиан. Таково большинство записей, касающихся Царьграда, собранных А. И. Соболевским.

VII

Краткая повесть «О взятии Царьграда от безбожных турчан», известная нам по спискам начиная с конца XVI века, связана с Хронографом редакции 1520 года, до нас дошедшей в переделке конца XVI века, в нескольких списках так называемого Хронографа, не деленного на главы, и в нескольких сборниках XVI—XVII веков, стоящих в той или иной зависимости от редакции Хронографа 1520 года.⁴ Вот перечень списков

¹ ПСРА, XV, стр. 495.

² Из числа двух десятков таких записей, собранных А. И. Соболевским, только три относятся ко второй половине XV века, к XVI — восемь, остальные — уже к XVII веку.

³ Она приведена целиком у А. И. Соболевского (Переводная литература московской Руси XIV—XVII вв. СПб, 1903, стр. 384—385).

⁴ Установлению этой редакции и отчасти выяснению ее отношений к дошедшим до нас типу и редакциям Хронографа, не деленного на главы, посвящены стр. 113—118 исследования А. А. Шахматова «К вопросу о происхождении Хронографа» (Сборник ОРЯС, т. 66, 1899); от этой работы А. А. Шахматова я и исхожу в дальнейшем.

краткой повести, мне до сих пор известных: 1) ГПБ, F.IV. № 143 (Толст. I, № 173) — Хронограф, не деленный на главы, конца XVI века; ¹ 2) Заб. 678 — такой же Хронограф, конца XVI века; 3) Тихонравова 408 — Хронограф того же времени; 4) бывш. Виленской ПБ 110 (34) — Хронограф, XVII века; 5) Погод. 1404а — сборник XVII века хронографического состава; 6) БАН 991/3 — в сборнике XVII века, тождественном с предыдущим; 7) БАН 399 — в сборнике XVII века, аналогичном предыдущим; 8) Троицк. 811 (1910), начала XVII века; 9) в Никоновской летописи, непосредственно за обычной хронографической повестью (ПСРА, XII, стр. 78 и сл.); 10) Кирилло-Белозерск. мон. (в ГПБ), в сборнике.²

Краткая повесть в составе Хронографа особого заглавия не имеет (ГПБ, F.IV.143 и Заб. 678).³ Не имеет его она и в сборниках старшего типа (Погод. 1404а; БАН 399 и БАН 991). Встречается она и с заглавием: «Иной перевод — повесть вкратце о взятии Константина же града» — заглавием, явно не первоначальным (Троицк. 811, Никоновск. лет.). Краткая повесть в этих случаях идет непосредственно за пространной хронографической. Отсутствие заглавия повести в Хронографах и сборниках старшего типа объясняется тем, что она, внесенная в Хронограф, составила только часть одной из глав этого Хронографа, говорящей о византийском царстве, именно о царствовании последнего царя Константина: «Царство греческое 86 царя Константина, брата Калюянова. По Калюяне, сыне Мануилеве, царствова во Цариграде брат его Константин Драгош Палеолог лет 11, беда же много тогда налекаше царствующему граду от безбожных турок, и многи грады прияша и поплениша, и власть их зело простирашеса, и божиим поущением греческая же оскудеваше». Затем непосредственно начинается наша повесть: «В лето 6961 обращаше уж в мысли своей Амуратов сын Моамеф...» (Заб. 678, л. 238).

Начало повести, приведенное выше, одинаково во всех хронографических текстах и в сборниках старшего типа, но в Никоновск. лет. и Троицк. 811 находим иное. Перед обычным началом прибавлено: «В лета Константина, царя греческого, от создания миру в лето 6961 сие зло бысть» (Троицк. 811, л. 297 об.) — фраза, явно вторичная, стремившаяся дать повести, как отдельной, подходящее начало, построенная на материале главы Хронографа.

Краткая повесть в процессе своей истории была связана с Хронографом редакции 1520 года, которая, как показало исследование А. А. Шахматова, является результатом произведенной в Москве переработки редакции 1508 года. Краткой повести в этой последней еще не было. Таким образом, последняя могла быть составленной скорее всего между 1508 и 1520 годами, так как в редакцию 1520 года она уже была включена. Редактор 1520 года поставил себе целью превратить русский Хронограф в историю Западной Европы. Поэтому он отбросил все начало обычного Хронографа до «Александрии», опустил почти все события из

¹ По этой рукописи повесть издана целиком А. Н. Поповым: А. Попов. Изборник славянских и русских статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869, стр. 87—91.

² Упомянут А. Н. Поповым (Изборник..., I, стр. 215) без более точного указания. Все перечисленные тексты краткой повести принадлежат к одной редакции и почти буквально совпадают друг с другом.

³ Упомянут А. Н. Поповым (Изборник..., I, стр. 215) без более точного указания. В последнем заглавии, приведенное мной выше, приписано киноварью на поле рукописи (л. 238).

русской истории и после взятия Константинополя сделал большое добавление из Хроники Мартина Бельского, а в самый предшествующий текст внес изменения на основании каких-то иных греческих (бывших уже в переводах) источников, которые пока остаются неустановленными. В числе этих дополнений мы должны предполагать и нашу краткую повесть. От этой-то редакции 1520 года пошли те списки Хронографа, не деленного на главы, дошедшие до нас, где мы и встречаем нашу повесть. Списки же Хронографа, не деленного на главы, предполагают своим источником не непосредственно редакцию 1520 года, а какую-то последующую (вероятно, явившуюся в конце XVI века, как предполагает Шахматов), от которой уже непосредственно идут списки Хронографа, не деленного на главы, до нас дошедшие. Эта предполагаемая промежуточная редакция по месту происхождения относится к юго-западу России, как об этом свидетельствует язык этих списков: по крайней мере четыре списка (Толстовский, Тихомировский, Забелинский и Виленский) — происхождения юго-западного, что поддерживается и упомянутыми выписками из Мартина Бельского в каком-то ином переводе, нежели употребленный составителем редакции Хронографа 1617 года (второй — по Попову).¹

Результат анализа списков Хронографа, не деленного на главы, для нашей повести сводится к тому выводу, что повесть эта появилась не позднее 1520 года, хотя и дошла в списках не старших конца XVI века.

По характеру своему краткая повесть должна быть сочтена переводной. «Не подлежит сомнению, что повесть эта переведена с греческого», — говорит А. А. Шахматов (ук. соч., стр. 117). Но поиски ее греческого оригинала до сих пор остаются безуспешными. Прямых гречизмов, которые бы указывали на греческий оригинал, в повести также не находим.² Однако есть на это указания косвенные в самом содержании повести. К числу их можно отнести реплику по поводу смерти Джустиньяни (он в повести назван на греческий манер: Иоан Иустиян — Ἰωάννης Ἰουστίνιανος) умершего в Хиосе от раны в бесславии: «Блажен бы был, аще бы в самех стенах Византийских дух отдал». Так мог сказать грек-патриот. Так же автором-патриотом резко осуждаются граждане византийские, скрывшие свои сокровища во время осады или перед нею:³ «Аще бы изнурили [сокровища] в зашищение отечества, и свою убо жизнь, нечто и отечеству свободу соблюли». Далее автор сообщает, что турки повели всех в плен и добавляет: «Грех наших ради... их же ради сами на себе гнев привлекхом, возлюбивше славу человеческую, славы божия отпадохом». Весьма возможно, что и эта тирада (в первом лице множественного числа) скорее могла выйти из-под пера грека, нежели была общим местом.

¹ Отпадает мнение А. Н. Попова (Обзор хронографов русских редакторов. М., 1867 II, 25) о том, что по Толстовскому списку можно яснее судить о первоначальном югославянском Хронографе, легшем в основу русских. А. Н. Попов свое предположение основывал на присутствии в Толстовском списке иусов (точнее — большого юса), но наличие юсов в списке имеет иное объяснение: это — характерное для русских списков XVI века, так называемое «модное», болгаризирующее правописание Ср: А А Шахматов К вопросу о происхождении Хронографа, стр. 21—22.

² До некоторой степени можно видеть след греческого оригинала в употреблении в тексте то «предградия», то «предградная»: может быть, греческое τὰ προάστια один раз передано существительным, другой раз — прилагательным в среднем множественном числе, как в греческом. То же, может быть, следует сказать и о слове «губительная» («греки свыше пушаху губительная» — прилагательное в среднем роде множественного числа без существительного), которое могло быть буквально переводом τὰ φθόριχα или τὰ φθόριμα, τὰ φθόρια, и т. п.

³ По взятии города сокровища эти были обнаружены

Предположение о греческом происхождении краткой повести поддерживается также тем, что отдельные ее детали и эпизоды передаются согласно, иногда и близко, к известным нам «Запискам» о взятии Константинополя, главным образом в «Истории» Дуки, частью Франтцы: видимо, греческий оригинал нашей повести местами был близок к этим «Запискам», хотя доказать, что он находился в зависимости от них, мы не имеем никаких данных. Это — только отдельные места,¹ передающие содержание согласно с этими «Записками», но по тексту иначе.

Кроме того, несмотря на краткость, наш текст дает то, о чем не упоминают эти «Записки». В начале краткой повести есть эпизод о построении Магометом городка на Босфоре (отсутствующий в хронографической повести): «Градок на брези фракийского Вьспора малым чим от Константина града вдалье другим изветом великою скоростию постави»; у Дуки также отмечена и быстрота построения городка (три месяца, см. ed. Вопп, р. 248).² Таково же сообщение нашей повести о посте турок перед началом осады («всему воинству заповедася, да в 5 день мая вьини постятся, а впоследующий день вьоружены да придут»), встречается оно и у Франтцы (стр. 269). К точкам соприкосновения по содержанию нашего текста с греческими мемуарами современников следует отнести также то, что в нем говорится об Иоанне Джустиньяни: «Иоан же Иустиян у Генуе граде в месте нарочите рожен, иже в предварших днех един спасти град непщевашеся, уязвен бив на брани; се[и], яко уразуме низ текущую свою кровь, даже не иных устрашит и врачь ища, втай себе изведе от брани. Самодръжец же яко уразумев Иустиниана отшедша, камо и поиде, вопрошаше, преставша же молит не отступити от брани. Он же, никакоже послушав, отворити врата повелеваеть, ими же паки внииде в град, язву исцелив. . . Иустиян же в Галате граде бив и оттуде на Хиин остров отплы, тамо от язвы или от труда в недуг впад, с бесславием жизни разрешив».³ О Джустиньяни, как сыгравшем видную роль при осаде Константинополя, говорят все мемуаристы, хотя и с различными подробностями, но в главном более или менее одинаково: раненный, он покинул ряды защитников и удалился, что роковым образом сказалось для греков в их борьбе с турками. В сравнении с Франтцей наш текст дает кое-какие подробности, которых у него нет, но нечто подобное есть у Дуки, а также сведения, которых нет ни у того, ни у другого (например, о смерти Джустиньяни на о. Хиосе).

Наконец, можно отметить некоторую близость нашего текста к Дуке в конце, именно — в повествовании о кир Луке архидуксе. Наш текст сообщает об убиении его сыновей приблизительно то же, что и другие, но дает еще одну подробность, которую из греческих мемуаристов знает только Дука, именно — о младшем сыне кир Луки: (по взятии города) «пировав Моамеф, елма же вяще по обычаю испил, даже вино кровию растворит, поймав князей. . . убити повеле, егде убо и господин Лука, ему же власть была велика у самодержца, убиену бывшу пред очимъ его болшему сыну, другому в незаконную потребу съхранену, секирою расчечеса» (ср. у Дуки, стр. 303).

¹ Эти места в большинстве случаев указаны в издании текста А. Н. Поповым в «Изборнике».

² Говорит о городке и Франтца (на стр. 233 сочинения под заглавием «Хроника Протовестия Георгия Франтцы», помещенного в «Corpus scriptorum Byzantinae», изданном Б. Г. Нибуром в Бонне, в 1838 г.), причем согласно с повестью указывает и на мотив подготавливавшегося завоевания Константинополя.

³ А. Н. Попов. Изборник. . . , стр. 89—90.

Лука отказался исполнить требование султана, был вытребован с семьей к нему и после вторичного отказа обезглавлен.

Неожиданное, вне связи с остальным, упоминание в нашей повести об Исидоре («гординал Исидор... одежи перемене не знаем бысть, на триста сребрьник искупися») также ведет нас к мемуарам Дуки, который, как приверженец унии, не раз о нем упоминает.¹

Следует также отметить еще подробности нашего текста, сближающие его с письмом Леонарда Хиосского.² В тексте говорится, что когда Джустиньяни, уходя, приказал отворить ворота, ведущие наружу, турки навалились на греков, бывших между стенами, греки побежали. Только двое нашлось храбрых людей, которые упорно продолжали биться с турками. Это были, по словам текста, грек Феофил Палеолог и «далмат именем Слав», которые и погибли в бою. Эти имена известны нам и из письма Леонарда Хиосского.³

Конечно, и Леонард не раз говорит в своем письме о Джустиньяни, причем о ранении его он говорит настолько близко к русскому тексту, что оба невольно напрашиваются на сопоставление.

Так же как и русский текст, Леонард один только из современников знает об удалении Джустиньяни на о. Хиос и (на этот раз — согласно и с Франтцей) о его смерти.⁴

Точки соприкосновения между русским текстом и Леонардом дают также подробности о кир Луке (у Леонарда — Chirluca).⁵

На основании сопоставлений иноземных текстов с русским можно попытаться представить себе хотя бы приблизительно тот греческий оригинал, с которого делался русский перевод. Он не производит впечатления записи очевидца или близкого к событиям лица; рассказ носит отрывочный характер. Это, скорее, ряд отдельных эпизодов, нежели последовательное изложение перипетий осады, может быть, извлечение из чего-то более полного. Тем не менее рассказ дает несколько дополнений к тому, что мы узнаем из хронографической повести. Но предполагать, чтобы русский текст представлял извлечение, сделанное на русской почве и в интересах дополнения текста хронографического, оснований нет. Наш рассказ составляет особенность редакции Хронографа, не деленного на главы, идущей от редакции 1520 года. А в ней, как и в дошедших до нас текстах Хронографа, не деленного на главы, большой (хронографической) повести нет и не было; кроме того, нашей повести в русском переводе, но в более обширном виде нам не известно. Отсюда делаем вероятное заключение, что греческий оригинал краткой повести существовал в том же объеме,

¹ По словам Дуки, Исидор — кардинал, легат в Польше, бывший архиепископом России — в ноябре 1452 г. явился из Рима в Константинополь (в результате обращения царя Константина за помощью к папе), торжественно был принят царем, возобновил было переговоры об унии, но наткнулся на резкое противодействие со стороны греческого духовенства и народных масс, руководимых Григорием Схоларием (позднее патриархом Геннадием), и должен был пережить осаду и взятие Константинополя. Наш текст, кажется, дополняет сообщения Дуки.

² Леонард Хиосский написал письмо о разорении Царьграда к папе Николаю V 16 августа 1453 г., т. е. спустя два с половиной месяца после падения города; он был близок к жителям Константинополя (он их часто называет *postrì*, хотя едва ли был грек). Письмо, повидимому, вскоре уже получило широкое распространение, может быть, даже переводилось и на греческий (нам известен его итальянский перевод, греческого перевода нам не известно). Оно впервые напечатано было в 1578 году (Франкфурт). Текстом Леонарда пользуясь по перепечатке его в приложении к статье И. И. Срезневского «Повесть о Царьграде» (стр. 50—68).

³ На это указал кратко уже А. Н. Попов (Изборник..., стр. 90, прим.).

⁴ И. И. Срезневский. Повесть о Царьграде, стр. 66.

⁵ Там же, стр. 68—69.

какой дается его русским переводом. Может быть, он был извлечением из более обширного греческого текста, нам, однако, теперь не известного. Что касается качества самого перевода, то он, повидимому, высокими достоинствами не отличался, представляя рабскую передачу оригинала, откуда его тяжелый стиль, подчас невразумительность.¹

Вопрос о том, какая из повестей появилась у нас раньше, решается несомненно в пользу старшинства краткой повести, по крайней мере по отношению к повести хронографической.

В качестве оснований для такого мнения можно привести следующие соображения. Во-первых, хронографическая повесть появилась впервые в редакции Хронографа 1533 года, краткая же вошла в состав Хронографа редакции 1520 года, причем обе редакции Хронографа должны быть признаны не зависимыми одна от другой. Во-вторых, старшинство краткой повести перед хронографической доказывается также и главным образом тем, что хронографическая повесть уже испытала на себе влияние краткой. В ней имеются заимствования из краткой повести, внесенные, вероятнее всего, при обработке первоначальной большой повести в Хронографе редакции 1533 года, а именно:

Хронографическая

[Магомет] брань въздвиже противу Константина града не по чину, но спротиву сътвореных клятв, въинство приведе много по земли и по морю и ратовати нача [ПСРЛ, XXII, стр. 445].

Краткая

По сих [т е после построения городка] брань въздвиже против Константинограда не по чину, но спротив сътвореных словожени, спротиву клятв, въинство приведе и ратоватися начат [Изборник... , стр. 87].

В старшей (искандеровской) редакции, более близкой к первоначальной повести, этого места нет.²

Сам [Магомет] предивным ополчением и страшным движением по суши и по морю к Царствующему граду приступив [ПСРЛ, XXI, стр. 446].

Моамеф же убо, в та времена бывшим отовсюду силам, предивным ополчением и страшным движением по суши и по морю приступив к Царствующему граду [Изборник... , стр. 88].

И этого места также нет в старшей редакции повести. Отсюда видно, что, когда выработывалась хронографическая редакция Повести (т. е. около 1533 года), краткая уже существовала и, вероятно, в составе Хронографа редакции 1520 года была известна редактору 1533 года, внесшему большую повесть в свой труд, и он в нее внес кое-какие дополнения из краткой повести. Но, конечно, если этим сопоставлением решается вопрос хронологии относительно хронографической повести, то по отношению к первоначальной большой повести он остается открытым. Возможно также предположить старшинство краткой повести и пред старшей редакцией большой повести (искандеровской): может быть, мало обстоятельный и отрывочный рассказ краткой повести о таком важном для людей XVI века событии не удовлетворял их, а также редактора 1533 года. Это и послужило толчком к обработке записок Искандера в воинскую, характерную для XVI века повесть и к внесению ее в Хронограф вместо

¹ А. А. Шахматов высказывает предположение, что эта повесть стала известной редактору 1520 года из одного из новых его источников, которыми он дополнял первоначальную редакцию Хронографа. Это предположение можно дополнить, пожалуй, другим: не был ли греческий оригинал нашей повести одной из тех записок о взятии Царьграда, «не без которых», по выражению И. И. Срезневского, приходили к нам греки, искавшие пристанища в России после падения греческого царства?

² См.: Леонид. Повесть о Царьграде Нестора Искандера XV века «Памятники древней письменности», ОЛДП, СПб., 1886, стр. 6.

краткой, уже бывшей налицо в Хронографе, служившем источником для Хронографа 1533 года. Более удовлетворявшая читателей хронографическая повесть в результате оттеснила на второй план краткую повесть, чем и объясняется ее сравнительная редкость. Тем не менее эта краткая повесть, как дополнявшая в деталях и отдельных эпизодах большую популярную повесть, не утратила вполне своего значения среди определенного круга читателей. Ею интересовались в качестве источника для дополнительных составители исторических компиляций. Следы ее влияния видны в сказаниях о взятии Константинополя, основанных на хронографической повести, начиная с последней и кончая печатным изданием 1713 года.

VIII

Следом за переводной «краткой» повестью в русской письменности появилось первое русское произведение на ту же тему под заглавием «О взятии Царьграда от безбожного турецкого царя Магмета, сына Амуратова, еже бысть в лето 6961-е», составляющее 208-ю (последнюю) главу Хронографа редакции 1512 года (см.: ПСРЛ, XXII, стр. 437—440). Обычно статью эту принято называть «Плачем о падении Царьграда» ввиду общего лирического характера этого произведения, который выявляется с первых строк: «Хощу, — заявляет автор, — глаголати повесть иже не точию человеки, но и нечювственное камене и самая стихии творит плакати и глаголати: горе и увы». Этот же рефрен «горе и увы» автор повторяет не раз и ниже. Собственно говоря, повести в плаче мы не находим. После краткого рассказа о происхождении Магомета и беглой характеристики бывшего процветания Царьграда автор в самых общих выражениях, большей частью шаблонных, говорит о взятии города, его разграблении, останавливаясь преимущественно на осквернении его святынь,¹ и заканчивает эту часть сильным лирическим плачем: «О како стерпе земля таковая. Како солнце сиати не преста. Како луна не преложися в кровь. Како звезды яко листвие не спадоша. О како перьвый в царех Коньстантин не подвиже владычицу богородицу и всех святых умолити о людех согрешших и уставити таковой суд гнева господня». Последняя фраза служит автору переходом к следующему далее поучительному рассуждению, суть которого формулирована в таких выражениях: если царь Константин и все святые и молят бога «уставити суд гнева божия», то они «не противятся судбам господним, яко ничимже инемь может очиститися таковой грех, точию огнем и инеми таковыми, занеже согрешшиша от главы и до ногу, сиречь, от больших и до меньших» (стр. 438). Эта мысль хорошо знакома и по другим произведениям, не только применительно к Царьграду. Развивая эту мысль при помощи большой цитаты из пророчества, автор останавливает внимание на конце этой цитаты: «аще же паки обратитесь ко мне... съберу вас и землю вашу и враги ваша отжену лица вашего» (слова исходят от бога). Это дает автору повод сказать, что погибель царств не есть погибель навсегда. Бог оставил нечто вроде семени, из которого и последует, когда наступит время, возрождение православных царств: доказательство этому он видит в том, что господь до сих пор «чудодействует» в Иерусалиме, чем он «устрашает неверных, верных же веселит и надежею питает избавления; образ же чюдотворения господня сице есть». Далее следует пересказ большого, из-

¹ Этот шаблон довольно распространен в старой письменности: мы его находим в тех случаях, когда речь идет о нашествиях «неверных» или «поганных» (большой частью татар) и о разорении ими русских городов.

вестного в русской письменности сказания «о свете святем, како сходит с небеси» (в Иерусалиме в страстную субботу). Это и есть та искра в пепле, которую господь «по довольном наказании нашего согрешения... возжет зело и попатит Измаилтиян злочестивых царства». Заканчивает автор свою статью уже политическим рассуждением, характерным для московской Руси XV—XVI веков: царства Греческое, Сербское, Босанское, и Арбанасское и иные многие попленили турки, «наша же Российская земля... растет и младает и возвышается, ей же, христе милостивый, даждь расти и младаети и расширяться до скончания века».

Плач этот — не столько плач о падении Царьграда, сколько политический памфлет, основанный на том комплексе идей, который был распространен в ближайшее время после падения Царьграда в русских официальных и церковных кругах. Падение вековой византийской империи, тесно связанной со всем славянским миром, наводило на размышления и о грядущих судьбах родины. При этом припоминание прошлого и успехи настоящего оправдывали оптимистическое решение вопроса. Эту-то мысль и выразил отчетливо в конце своего Плача автор. С этой точки зрения Плач является ярким и ценным показателем настроений общественных кругов XVI века. Эта идеология получила признание в период создания и укрепления централизованного Русского государства и нашла выражение в ряде других литературных произведений.

Составитель (скорее редактор) редакции 1512 года имел перед собою редакцию Хронографа 1508 года, которую и переделывал.¹ В этой редакции никакого сказания о падении Царьграда еще не было, не было в распоряжении и у редактора 1512 года какого-либо иного сказания об этом. Ему известен был, конечно, самый факт, и, быть может, до него дошли устным путем кое-какие слухи о подробностях завоевания Константинополя² и, разумеется, то тяжелое впечатление, которое произвело это событие, почему он и должен был ограничиться только упоминанием о взятии Царьграда и отразить общее впечатление факта на современников, отлив его в несколько лирических строк. Но присоединяя в конце своей редакции плач, кончая большую историческую компиляцию событием 1453 года, как событием огромной важности, редактор этим подсказывал мысль, что событие 1453 года закончило собой большой период мировой истории. После этого начинается новый период этой истории, где главную роль будет играть Русская земля. С этим следует сопоставить также то, что в ряде письменных памятников (а в числе их и в Хронографах различных типов XVI века) сказанием о падении Царьграда заканчивается и самый Хронограф, как изложение мировой истории. И если он и продолжается, то лишь как изложение событий русской истории в виде извлечений из русских летописей. Таким образом, и здесь устанавливается,

¹ См.: А. А. Шахматов. К вопросу о происхождении Хронографа, стр. 111.

² К числу таких слухов, устным путем дошедших до автора плача, я считаю возможным отнести у него фразу: «не точию улица и реки наполнишася крови христианских, но и морския волны очервшася и самого царя Константина яко ни главе, ниже телу обрестися» (стр. 438). Сведения об этом почерпнуть из известных нам книжных источников (допуская их наличие во время написания плача) он едва ли мог: наиболее подробный и обстоятельный рассказ иксандеровской или хронографической повести (не говоря уже о других нам известных) если и говорит о потсках крови по частному поводу (стр. 449) и о посмертной участи Константина (стр. 459), то говорит иное и иначе. Что же касается обращения церкви Софии в мечеть, то и об этом повесть не говорит, и это могло бы быть отражением каких-либо слухов, а самое представление о ней, гаходимое в плаче у названного автора, скорее всего идет из популярного на Руси сказания о построении св. Софии.

как и в других случаях, идейное на почве идеологии XV—XVI веков, родство плача с другими памятниками.

Дальнейшая судьба плача в немногих словах может быть представлена в таком виде. Созданный одновременно с редакцией Хронографа 1512 года, он так и остался навсегда с ней соединенным: отдельных списков плача, кажется, не встречается в рукописях. Редакция Хронографа 1512 года, получившая широкое распространение (вероятно, после 1533 года), заменила плач (вероятно, как мало фактический и по своему настроению мало подходящий к остальным статьям Хронографа) одной из редакций большой воинской повести (названной мною хронографической). Плач сохранился в сравнительно ограниченном количестве списков¹ и заметного непосредственного влияния на последующую хронографическую литературу оказать не мог.²

Некоторый интерес для литературной истории плача представляют текст Барс. 1787 и текст Шафарика 29 — так называемый Верхобрезницкий Хронограф 1650 года.³ Текст Барсова представляет выборку из Хронографа старшей редакции, имеющую свой счет глав;⁴ здесь, под главой 28 (л. 104 об.), помещено: «О взятии Царьграда от безбожного турского царя Амурата» (так!).⁵ Текст представляет извлечение из плача и почти вполне им покрывается. Составитель, с перестановками отдельных мест оригинала, взял только то, что в плаче непосредственно касалось Константинополя, откинув все рассуждения автора плача и все, что говорится в плаче о Русской земле. Причина такого использования плача совершенно ясна. Целью составителя извлечения была история разорения Царьграда, и он заимствовал для своей переделки только то, что носило, на его взгляд, фактический характер в «Плаче», касалось непосредственно падения Царьграда. Рассматриваемый текст дает некоторый материал для истории плача, а косвенно и для истории сказаний о падении Царьграда в XVI веке.

Несколько иной интерес представляет для истории плача, а вместе с тем для большой повести о взятии Царьграда Верхобрезницкий Хронограф 1650 года, отразивший в сербском списке не только один из фактов русского влияния в сербской литературе, но и один из своеобразных видов Хронографа.⁶ Он основывается на списке русского Хронографа, но не

¹ Помимо печатных изданий плача (в ПСРЛ и «Изборнике» Попова), я имел под рукой следующие рукописные тексты Хронографа: Хлуд. 184; Увар. 16, в лист; Барс. 1695, XVII в.; Барс. 1704, XVII в.; Барс. 1787, XVI в.; Чуд. 354, XVI в.; ГИМ 2176, XVI в.; ГИМ 2033, начала XVII в.; Шафарика (Чешск. муз. в Праге, 29, иначе: IX.9.6). Все перечисленные списки, кроме последних двух, дают один и тот же текст с незначительными разночтениями и совпадают с изданными.

² Как на отражение плача предположительно можно было указать разве на упоминание о предках Магомта во 2-й редакции Хронографа (1617 год) и на счет годов (1117) от первого Константина до последнего.

³ Текст сербский, восходящий к русским. О нем см.: J. J. Geček Chronograf Vrchobřeznický se zvláštním vzhledem k obsazenému v něm vyličení nejstarších dějin českých. Praha, 1879, стр. 4—5, 8—20; А. А. Шахматов. К вопросу о происхождении Хронографа, стр. 11 и сл.; М. Сперанский. Рукописи П. И. Шафарика в Праге. М., 1894, стр. 92—96.

⁴ Это собственно сборник XVI века: выборка из Хронографа в нем занимает начало рукописи, за нею идет статья о Гедимине литовском, выписки из Толковой Псалти.

⁵ Этой главе предшествуют статьи, соответствующие главам Хронографа редакции 1512 года, в таком порядке: 203, 207, 205, 206; изложение сильно сокращено.

⁶ А. А. Шахматов (К вопросу о происхождении Хронографа, стр. 11—12) исправил и дополнил мои наблюдения над этим Хронографом в одной из ранних моих статей (Сербские хронографы в русской первой редакции. Русский Филологический вестник, 1896), почему я в дальнейшем принимаю поправки и дополнения А. А. Шахматова.

редакции 1512 года,¹ а на редакции, сходной с той, которая заключается в списках Толстовском и ему подобных. Но составитель Верхобрезницкого Хронографа пользовался также и той сербской редакцией, которая восходит к русской редакции 1512 года. Этим происхождением Верхобрезницкого Хронографа объясняется состав в нем повести о взятии Царьграда. Здесь повесть эта озаглавлена: «О взятию Цариграда от турского цара Махмеда, еже бысть в лето 6961» (л. 245), и начинается сходно с плачем («Хощу ниня глаголати повест...»), но сходство это ограничивается лишь первыми строками, кончая словами: «глаголати: горе и увы, еже о разорении царствующего града от чед Агаринех» (в русском тексте: «от безбожных турок»). Далее идет фраза: «бысть бо в лето шесть тысящное и девет сат и шестьдесят и пръвое» — фраза, очевидно, взятая из заглавия; за нею — опять из плача: «царствия Константина града скуптры дръжешу Константину, сыну Мануильеву, по брате своем Иоане цари» («Калуяне»). На этом кончается совпадение с плачем, а начинается заимствование из хронографической повести: «А турки владушу цару Махмеду, сыну Муратову, и бывы тогда в съмирени и до кончины бысть [не понято сербом, следует: «в миру и в dokonчании»] с православным царем Константином. И абие цар Махмед рат въздвиже». Далее без перерыва идет хронографическая повесть, но после нее (л. 258 об.) в строку — опять из плача: «О слнце и земле, в заспутение коньчное положи, увы! От начела убо миру по прешъствии пет тысящ и осам сат и четьрдесет четьрем летом начало приет». Заимствование кончается почти с концом плача, после чего опять следует текст из хронографической повести: «Пишет бо: русский род с преждесъздательными... и в нем въцаретсе. Византиа, Константин град, Новорим, Троугльны, Седмохльм, Цариград, Стумбол».²

В результате перед нами механическое соединение плача из редакции 1512 года и позднейшей редакции Хронографа, где плач был уже заменен хронографической повестью, идущей уже из сербской редакции Хронографа. Где произошло это соединение? Вероятнее всего, надо полагать, что совершилось это уже на сербской почве. Составитель Верхобрезницкого Хронографа имел перед собою несколько списков различных редакций Хронографа: редакцию 1512 года, обычную сербскую редакцию³ и редакцию Хронографа, не деленного на главы, а также Хронику Амартола во «втором» переводе и другие источники. Появление подобного «комбинированного» текста повести о Царьграде представляется в сербской письменности вполне возможным, если принять во внимание место происхождения данного текста Хронографа и имя его писца (вероятно, и составителя). Текст писан в 1650 году иноком Гавриилом (так раскрывается писанное на л. 329 об. тайнописью его имя) в Верхобрезницк.

¹ Как большинство сербских списков Хронографа (каковы Реметский, Житомисличский, Шафарика 28; ср.: М. Сперанский. Рукописи П. И. Шафарика в Праге, стр. 88—91). Они, как заключающие в себе в сокращении «хронографическую» повесть, не восходят к редакции старшей, нежели редакция 1533 года, и через нее только в редакции 1512 года.

² Перечень названий Константинополя идет из отдельной статейки «Имеа Царьграду», также обычной в русских текстах и притом часто в комплексах с «хронографической» повестью (см., например, Увар. 542, в 4-ку, л. 321). В наиболее полном виде эта статейка издана у В. Н. Малинина (Старец Филофей и его послания. Киев, 1901, Приложения, стр. 69).

³ Она отличается от обычной русской 1512 года тем, что, с одной стороны, сокращает текст своего оригинала, с другой — дополняет его выписками из так называемого «второго» (болгарского, но неправильно называемого сербским), сохранившегося большей частью в сербских списках перевода Хроники Георгия Амартола, каковы: Шафарика 30, Синод. 148 и др.

около монастыря Троицы (Плевле в Герцеговине). Монастырь же этот был одним из видных центров поздней (XVI—XVII вв.) сербской книжности, обладал, повидимому, значительным собранием рукописей, остатки которого сохранились и до наших дней. Среди этих рукописей, весьма возможно, были рукописи русские или списанные с русских, которыми и мог пользоваться Гавриил инок.¹

IX

Прослеживая рукописную традицию повести почти со времени ее появления, мы замечаем прежде всего одну особенность этой традиции: в большинстве случаев повесть оказывается соединенной со сказанием о начале и построении Царьграда. Едва ли это случайность. Повидимому, составитель (или редактор?) повести смотрел на сказание, как на своего рода введение к своей основной теме — рассказу о взятии Константинополя турками. Он хотел не только рассказать о конце Царьграда, но и объяснить, почему Царьград постигла такая страшная участь. Согласно своим воззрениям, как то было указано выше, причину этого он видел в прошлом Царьграда — в беззакониях греков, которые лишили город покровительства и заступничества свыше и заставили высшую волю покарать столицу за эти беззакония. Поэтому он обратился для объяснения падения Царьграда к прошлому, связал рассказ о падении с историей города. Противопоставление прежнего величия города, пышно расцветшего под покровительством свыше, и жалкого его состояния в последнее время, давшего Магомету возможность окончательного завоевания, определило содержание сказания. Отсюда — те точки соприкосновения между повестью и сказанием, на которые мною было обращено внимание выше.

Возможно предположить, что составитель повести был в то же время автором или по крайней мере редактором сказания: этим объясняется, что они в комплексах и в отдельном виде встречаются вместе² и вместе вошли в Хронограф, где, будь сказание совершенно отдельной, не связанной с повестью статьей, оно должно было быть помещено раньше — где-нибудь среди статей, относящихся к Константину Великому (например, среди глав 118 и 119 Хронографа редакций 1512 года); здесь же оно нарушало хронологическую последовательность, план самого Хронографа.

Принадлежит ли автору повести составление сказания, или только редакция, связь повести со сказанием представляется весьма вероятной. Автору повести принадлежит, видимо, последняя часть сказания (приблизительно со слов: «Но убо понеже естество наше тяжкосердо и нерадиво...», стр. 6 издания Леонида — Троицк. 773).³ Она была бы непонятна без последующего рассказа о несчастиях, постигавших Царьград, и о самом большом — завоевании его. Повествовательная же часть сказания (введение христианства, решение Константина построить город «в свое имя», поиски места, «знамение» при закладке города, постройки Константина, посвящение им города богородице, расширение и застройка) составлена из отдельных эпизодов, слабо между собою связан-

¹ Остатки библиотеки монастыря Плевле были перенесены в Белград в Народную библиотеку. Вероятно, там же Гавриилом иноком, несомненно искусным каллиграфом, писана в 1648 году псалтырь, попавшая в собрание Шафарика (№ 5), а в 1649 году им же — роскошный лицевой список (с русского оригинала) Топографии Козьмы Индикоплова (о нем см.: Известия по русскому языку и словесности АН СССР, Л., 1929, т. II, кн. 2, стр. 711 и В. Ягић и В. Молле. Козма Индикоплов. — «Споменник Српској Акад. Другипризред, књ. 38. Београд, 1922).

² Как это видим в Троицк. 773, здесь сказание и повесть помещены среди статей, к ним счисления не имеющих: перед ними — «Житие» Феодора Эдесского, его же «Главы добродетельны», а за ними — «Песнь песней» и «Притчи» Соломона.

³ Леонид. Повесть о Царьграде Нестора Искандера XV века, стр. 6.

ных, и могла быть получена составителем сказания или в готовом виде, или собрана по кускам из различных источников. Такой греческой статьи, притом существовавшей в славянском переводе, которой бы покрывалась вся повествовательная часть сказания, найти не удалось. Тем не менее отдельные части этой компиляции могут быть прослежены и по славянским, преимущественно русским, текстам, причем текстуальное и иногда словесное совпадение читаемого в сказании со старшими по происхождению на русской почве памятниками позволяет предположить, что составитель сказания имел под рукой источники в готовых переводах. И действительно, в повествовательной части сказания мы встречаем текстуральные совпадения прежде всего с Хронографом редакции 1512 года, где истории построения Константинополя посвящено одно из отделений главы 119: «О создании Константинограда».¹ Вот эти совпадения:

Сказание (ПСРЛ, XXII,
стр. 443—444)

Хронограф (ПСРЛ, XXII,
стр. 268—269)

Съветом божим подвизаем восхоте создати град в имя свое... в нощи слыша в сне глас: «в Византии подобает Костянтину граду създатися».

Великий же Коньстянтин, божим мановением подвизаем, восхоте град создати во свое имя на западных странах, над Ентовым гробом, бог же обьяви ему во сне, повеле в Византии създати.

Назва град «Новый Рим».

[Константин] създа богохранимый град и нарече во свое имя «Коньстянтин град» и нарече его «Новый Рим».

Постави же и пречюдный он столп багрян, его же из Рима принесе морем трети леты до Царяграда, зане велик бе зело и тяжек, от моря же до торгу летом единым пренесен бысть, и царю часо причюдящу и злато много дающу людем бречения ради. И положи основания 12 кош, их же благослови Христос и от древа честнаго и святых мощей на утверждение и съхранение праведного и единокаменного оногo столпа и постави на нем кумир, его же принесе от Солнечного града Фругийского, имущего на главе семь лучь.

Принесе морем за три лета столп камене багрянаго от Рима, зане велик бе зело, от моря же до торгу ризного летом привезен бысть идеже постави его. И постави на том столпе образ человекъ меден, имый на главе семь лучь его же принесе от Солнечнаго града Фругийския страны и постави на руде образа честный крест, написа на немъ сице: «тебе, Христе, предаю град сей». Такова убо доброта столпа того, яко царю часто приходити и злато бесчислено людем даяти. Положи же на том столпе утверждения ради его 12 кошницъ, таже и семь кошницъ, в них же собраща апостоли хлебы оставшая, яже Христос благослови и препита народы, и дрeвеса честная и святых мощи, и секиру Ноеву, еуже ковчег сотвори.

Потом же създа церкви православныя: святые Съфыи святых Апостол и святых Ирины и святаго Мокия и святаго архангела Михаила и ины мнози.²

Потом же созда великую церковь именова Софию, не мученицу, но Премудрость божью, еже есть Христос, сын и слово божие, и потом храм честен святых Ирины, также не мученицы, но мир Христа моего, и святых Апостол и святаго мученика Мския, в онъ же день обнови град. И иныя многи церкви созда по всем градом... Созда же церковь прекрасну в Анапле во имя архистратига Михаила.³

¹ По рубрикации А. Н. Попова в его «Обзоре хронографов» это § 9 этой главы; этот параграф встречается и отдельно в рукописях, правда, поздних, каксва, например, Заб. 447 (XVIII в.), л. 98, в сборнике среди других выписок из Хронографа, рядом со «Снами Мамера царя», выдержками из Путешествия Трифона Коробейникова.

² Повидимому, этот перечень церквей в византийской письменности стал шаблонным, почему мы находим его, например, и у Кедрина почти в том же виде (Migne, Patr. gr., v. 157, стр. 457) Этот же перечень и в позднем по времени Хронографе псевдо-Дорофея Монемавсийского (София, Апостолов, Ирины, Мокия, Михаила в Анапле), см. Синод 339, л. 133 — русский перевод псевдо-Дорофея.

³ Далее идет легенда о чуде архистратига Михаила в Анапле.

Как видно из сопоставления, цитаты из сказания производят впечатление какого-то сокращения, извлечения из русского текста, аналогичного хронографическому. Но § 9 главы 119 Хронографа не первоначален, а сам восходит (по А. Попову) к Еллинскому летописцу второй редакции, представляющему в данном случае извлечение из более обстоятельной статьи этого последнего. Как известно, Еллинский летописец был одним из основных источников старейшего Хронографа (1442 года, по Шахматову). Отсюда текстуральные совпадения приведенных мест и с Еллинским летописцем: первоисточником для сказания и Хронографа был в данном случае этот Еллинский летописец.¹ Но тут возникает вопрос: откуда непосредственно позаимствованы в сказании эти места — из Хронографа или из Еллинского летописца. Повидимому, надо отдать предпочтение последнему ввиду наличия в сказании места, которого не находим в Хронографе, но которое вместе с приведенными выше находим в Еллинском летописце:

Сказание

В седмое же лето виде царь мало живущих во граде, зане велик бе зело, и тако сътвори: послав из Рима и от иных стран събрав достославных вельможь и мегистанов и сановников с множеством людей их, ту приведе и, домы великия создав, даде им жити в граде с устроением великим и царскими чина, яко своа домы и отечества им забыти. Създа же царь палату велику, иподрому предивную и две поле [так!] устрои, сиречь улицы покровенны на торгование [444].

Еллинский летописец

Мало же видев живущих в граде, зане велик бе град, тако створи: из Рима достославники избрав, рекше сановники и от иных стран собрав и домы велия създав и дасть им жити, в граде створи я. Създа же палату и подрумие и две маповели (так!) рекше улицы покров ни тръгъ, ризньи [Синод. 280, л. 230 об].²

Что же касается остальных повествовательных элементов сказания, то источники их остаются невыясненными, хотя можно предположить, что составитель сказания нашел их в русской письменности. Например, мысль о посвящении Царьграда богоматери (стр. 444—445) давно известна была в ней из весьма раннего русского перевода Жития Андрея Юродивого.³ То же можно сказать и относительно упоминания в начале сказания о мерах Константина против язычников и язычества.⁴

¹ Но и в самом Еллинском летописце глава о создании Константинополя (см.: Синод. 86, л. 313 об. или Чуд. 353, л. 259) построена на готовом славяно-русском старом переводе большого Жития Константина Великого, представляя местами буквальную, местами немного сокращенную выборку из этого Жития (ср. Синод. 180 — Макарьевская Минее-Четья, май, под 21-м числом, стлб. 9566—9586). В этом смысле, кстати сказать, следует исправить замечание А. Н. Попова в его «Обзоре хронографов» (I, стр. 143) о составе главы 118: она не вся восходит к тексту Амартола, а в значительной мере, через Еллинский летописец к Житию Константина и к отдельным сказаниям о крещении индиан и других народов.

² В Еллинском летописце это место восходит к старому русскому переводу Амартола. Вот для сравнения это место по изданию В. М. Истрина: «Мало же вид'в живущих в граде, зане велик бе град, тако створи: из Рима достославник събрав, рекше сановники, и от всех стран събрав и домы велия създав им, дасть им жити в граде створенья. Създав же палату и подрумье и две имполи (греч. ἐκβολών) рекше улицы покровене, и торг ризный» (стр. 339).

³ Ср. в Макарьевской Минее-Четьей (октябрь, по изд. Археографической комиссии, стлб. 209): «Вдан бо есть [Царьград] даром богородици, да никто не может отяти его от честных рук ея». Ср.: В. Н. Малинин, ук. соч., стр. 471; он не предполагает, что из того же Жития могло быть заимствовано и сказанное о столпе царя Константина, хотя после приведенных мною сопоставлений этого места в таком предположении более и нет надобности.

⁴ Ср. у Кедрина (Migne. Patr. gr., v. 157, стр. 498).

Во всяком случае, даже оставляя вопрос о ближайших источниках сказания открытым, следует допустить, что составитель (или редактор?) повести органически связал повесть о падении Царьграда со сказанием, так как в прошлом Константинополя он видел оправдание того, что произошло в 1453 году.

Х

Одной из наиболее ранних из известных нам переработок пространной повести о взятии Царьграда турками надо считать ту, которую мы находим в Степенной книге, яркой выразительнице официальной идеологии XVI века. Степенная книга доступна нам по рукописям XVI же века, в той ее редакции, которая и сложилась в этом веке.¹ В ней мы находим нашу повесть не в одиночку, а в комплексе других статей, притом наиболее распространенном, именно: 1) «Сказание вкратце о Царьграде, откуда прежде именовася Византия и како переименовася Царьград, и о турьских царех, откуда быша, и како взят бысть Царьград от турьского Магметя в лето державства Российского великого князя Василия Васильевича» (нач.: «Бысть некий царь во Египте именем Нектанав...»), 2) «Повесть древняго списания о создании града» (нач.: «В лето 5803 царствующу в Риме богосодетельному Константину Флавию...»), 3) «Изъявление вмале о турьских царех, откуда быша» (нач.: «Некий царь именем Хиридан, верою же христианин...»), 4) «О взятии Царяграда» (нач.: «Того же Амурата сын Магмет начат умышляти, како бы ему взяти царствующий град Константин...»). Последняя повесть — «О взятии Царьграда» — по составу своему восходит к хронографической, как к основе. Но предполагать, что составитель или последний редактор Степенной книги заимствовал ее непосредственно из Хронографа (например, редакции 1533 года, где, как мы видели, взамен плача появилась повесть), состав того комплекса, в котором помещена повесть в Степенной книге, не позволяет. Во-первых, в Хронографе мы не находим первой из статей (об основании Византии).² Во-вторых, статья о происхождении турецких царей в том ее виде, в каком она читается в Степенной книге, если и сходна (даже иногда и по чтениям) с началом 202-й главы Хронографа (ПСРЛ, XXII, стр. 417—418), то в последнем средактирована она иначе, нежели в Степенной книге: она вклинена в «Великос княжение сербское» перед царствованием Баязета. В-третьих, в Степенной книге после статьи второй (о построении Царьграда) есть небольшая приписка, отсутствующая в Хронографе, но ясно указывающая на комплекс: «Сицево начало сказания, им же бог попусти обладати нечестивым и царствовати в нем [Царьграде] многа лета», т. е. указание, что первые две статьи рассматриваются, как начало сказания о взятии Царьграда. С другой стороны, нам известны по рукописям комплексы, по составу совпадающие со статьями, вошедшими в Степенную книгу, и даже с упомянутой только

¹ См.: П. Г. Васенко. Книга Степенная царского родословия и ее значение в древнерусской исторической письменности, ч. I. СПб., 1904. Издание Степенной книги цитирую или по ПСРЛ, XXI, 1, стр. 490—504 (степень 14, глава 18), или же по рук. Заб. 445, дословно совпадающей с печатным текстом.

² В Хронографе, правда, есть рассказ, очень напоминающий по содержанию эту первую статью, именно в конце главы 102 (ПСРЛ, XXII, стр. 214), говорящей о начале царства греческого (по смерти Александра Македонского). Но этот рассказ представляет явное извлечение из текста, читаемого в интересующей нас статье. Взят ли он из существовавшей ранее статьи, сходной с нашей, или из общего им источника, в данном случае безразлично: ясно, что наша статья из него взята быть не могла.

что припиской после второй статьи.¹ Если по рукописям, нам известным, эти комплексы и относятся к XVII веку, то отсюда еще нельзя заключать, что они могли быть взяты только из Степенной книги. С одинаковым правом мы можем предполагать, что идут они от комплексов старшего времени, а сходство (но не тождество) их с тем, что мы читаем в Хронографе 1512 года (а за ним — предположительно — и в Хронографе 1533 года), объясняется именно тем, что и в Хронографе статьи² эти восходят к одному со Степенной книгой источнику, т. е. к отдельному комплексу.

Иначе говоря: еще до включения в Хронограф 1533 года и в Степенную книгу намечался и существовал в письменности такой комплекс, который был известен, а потому и мог быть еще в XVI веке использован составителем Степенной книги независимо от Хронографа. Весьма возможно, что появление в Хронографе 1533 года части этого комплекса (сказание о построении Царьграда, повесть об его взятии) и дали составителю Степенной книги мысль и возможность использовать этот комплекс, но полнее: рассказать о происхождении Византии и начале турецких царей, чему он находил оправдание в самом Хронографе, но в иной связи (главы 102, 119, 202). Таким образом, статья о взятии Царьграда турками, хотя и хронографическая по редакции, вошла в Степенную книгу не из Хронографа, а из комплекса, где повесть дана была в «хронографической» редакции, явившейся, как мы видели, не позднее 1533 года.

Внося в свою компиляцию повесть, составитель Степенной книги подверг ее не только сокращению (как поступали в этих случаях и с другими статьями и другие составители исторических компиляций), но и переработал свой оригинал при помощи постороннего, аналогичного по содержанию источника. Такой источник мы имеем возможность видеть вполне определенно в краткой повести, так называемом «Ином переводе повести вкратце о взятии Константина же града», памятнике также не моложе XVI века, также иногда входившем в комплексы.³ Как использован этот источник, видно из нижеследующих сопоставлений:

Степенная книга

Того же⁴ Амурата сын Магмет начат умышляти, како бы ему взяти царствующий град Константин. И первое постави и утверди градок мал великою скоростию на брезе Фракийского моря малым нечим вдалеке от Константина града [стр. 495].

Греки же сами едины о своей силе не державу, но ко областем латыньским прибегаша со слезами и рыданиями, пособия просящи, понеже людского собраниа во граде не бе, и бра-

Иной перевод

Обращаше уже в мысли своей Амуратов сын Иоамеф, коим мощно образом Константина града себе покорити . . . малым убо мысль сказав градок на брезе Фракийского Воспора малым чим от Коньстантина града постави и утверди [Троицк 811, л. 298].

О своей силе едины не дрязяюще, к латынским областем прибегаше со слезами и рыданиями, пособия просяще. Глухи же их слыхи. Оле студа! быша слепи очии яко разорасемой Елладе, рекше Греческой

¹ Таковы Увар. 906 (XVII в.) и Заб. 445 (1678), отчасти Увар. 670, в лист, в приложении к Хронографу псевдо-Дорофея (здесь нет приписки и сказания о турецких царях).

² Имено в виду главы 102, 119, 202.

³ Этот «перевод» назван «иным» потому, что он следует за обычной большой повестью, как это мы находим в рук. Троицк. 811 (1910), лл. 297 об—303 (старая скоропись второй половины XVI века), в Хронографе ГПБ, Ф. IV. 143 (также XVI века без заглавия, издан А. Н. Поповым в «Изборнике», стр. 87—91), в Никоновской летописи (ПСРЛ, XII, стр. 78, и сл.), а также в сборнике БАН 319 (описан А. А. Шахматовым в «Известиях ОРЯС», IV, 1, стр. 200—202 примеч.).

⁴ В самом конце предыдущей статьи (о турецких царях) говорится об Амурате, заключившем с греками мир.

тиям царевым не сущим ту. Они же уши яко глухи и мушшим и очима яко слепы быша, к себе же глаголаху: не дейте, яко возьмут их турки, а мы у них возьмем Царьград». ¹ Олесту [так!] да иже разореме Елладе, рекше Греческой стране, не познаша, яко разоритися имать и прочая часть благочестивых [стр. 495].

[Магомет приступил к городу] и тайно подкопание глубочайшее соделаша и мост от станы Галаты града долгогоу 2000 стоп скоро сотвориша и стрельницы деревянныя превыше градских высочайших поставиша Многообразным же ухищрением и пушки приведоша . . . И преодолен бысть град и окружен ратными, тако же и самая Галата, яко невозможно ни откуду быти и которому пособию Царюграду [стр. 495].

О военных приготовлениях турок не говорит.

И заповедаша поганин своему всему воинству, да в 5 день маяя вси постятся во ни. И по том в трех днех тышахуся град разорити. И посту их бывши до ночи, в нощи же питахуся и пироваху и друг друга объемяше и целоваше, яко последнее радуяся и к тому видетися не надеюще [стр. 495—496].

О посте турок пред началом приступа повесть не упоминает.

Бяху же стены градския высотой и красотою во всей вселенней преславнейши, но за ветхость и нерадение греческаго промысла и покрова пусты, предградия же добре зело утвержена быша [стр. 496].

Этой заметки о состоянии царьградских стен в повести также не находится.

Оскудевшим же силам у турков слабее ратоваху. Но Магомет крепко брани пристоя и вельми вопия: «ягма! ягма!», сиречь, на разграбление града. И коегождо от храбрых по имени зваше и на брань возвратитися моляще их, овех убо почестыи и возмездии обильными дарований воздвизая, овех же прещеньми устрашая. И сице укрепившеся

стране; не познаша, яко разоритися имат и прочая части благочестивых [Троицк 811, л. 298 и об.].

И сице тайником сокровенным и копанием глубочайшим соделанным и мосту от страны Галата града долгогоу 2000 стопам скоро сотворену и стрелницам деревяным в толико возвышенным, яко стены градския и высочайшия сущия превзыти, ухищрениям же и пушкам многообразным поведенным преодолен бысть град. . . Егда же день осветаше, знамению данному не токмо Константин град скружатися почал, но и самой Галате, да не подасть некое пособие Константиноу граду [Троицк. 811, л. 298 об.].

со стороны Галаты повесть ничего

Таже по малех днех последним гласом пропсвэдника своему воинству заповедася, да в 5 день маяя воины вси постятся, а последующий день вооружени да придут последними подвиги град разорити и в трех днех расхитити и. В установленный ж день посту до нощи продолжену, и яко звезды явишася, звания и пирования везде бываху, и всяк, друга и сродника и знаема приемля, с ним радуяся, питашеся. Егда же доволне насытися пищею и питием, ани к тому друг друга не видети имеюще, и объемяюще друг друга целоваше и последнюю радость себе пригласиша [Троицк. 811, л. 298 об. — 299].

Бяху же стены градския и высотой и красотою во всей вселенней преславнейши, но за ветхость и греческое нерадение промысла и покрова пусты, а предградия зело добре укреплена быша, в них же и спасение свое грецы полагаху, вооружены ж воины посреде стен и предградия и брань составити уразумеша [Троицк. 811, л. 299].

Оскудевшим же силам у турков слабее ратоваху. Но Моамеф предстоя коегождо от храбрых по имени зваше и яко на брань возвратитися моляще, овех убо почестыи и возмездии обильными трудов своих воздвизая, овех же прещеньми устрашая, и сице паки подвиг обновил есть. И турцы паки к стенам приближышася и врата плещи своими отворити

¹ Выделенные разрядкой места взяты из повести.

турьцы и пушки и пищали устроиша паки ко стенам приближишася и врата граду плащема своима оторвати нудящеся... и брань велия бысть греком с турки: и видети есть различными образы и многообразными смертми от обою страну погибающих, и забраб, яко снопие, людие валяхуся [стр. 497].

нудящеся и на обновление щитное ополчение восходяще, оружиа супостатов имущих имати тщахуся. И паки целы со уязвленными и полумертве со издыхающими поваляхуся и зрится различен образ и многообразнаа смерть погибающих [Троицк. 811, л. 300 и об.].

Перечисленными местами исчерпываются все наиболее крупные заимствования составителя Степенной книги из «Иного перевода», причем источник, ясно, подвергся некоторому сокращению. Эти заимствования, как видим, прибавили несколько, притом не безынтересных, деталей к рассказу повести, но основного содержания ее истории самой осады и взятия города в существе не изменили: они коснулись главным образом периода подготовки к осаде города. Пользования какими-либо другими источниками для обработки повести не замечается. Главная работа редактора Степенной книги свелась к изменениям, внесенным им в свой основной источник. Изменения же эти сводятся преимущественно к пропускам или сокращенному изложению материала, даваемого повестью, реже к перестановкам отдельных мест и, разумеется, к стилистическому изменению самого изложения. Так, пропуски коснулись многих эпизодов: 1) если рассказ об обложении города и осаде его в течение первых тринадцати дней (стр. 446 повести) нашел себе место в перделке более или менее полно, то рассказ (стр. 447 и начало 448) о первом приступе и битве при этом, где пало около 2000 защитников и около 17 тысяч турок, целиком выпущен;¹ 2) также устранено начало рассказа о втором приступе (стр. 448) вплоть до рассказа о том, как Зустуней своим выстрелом разбил большую турецкую пушку; конец же этого рассказа опять откинут; 3) после рассказа об избавлении города, благодаря непосредственному участию в битве царя и его «избранных» (стр. 452), опущено место о военном совете и новом плане приступа, выработанном Магометом; 4) после первого «знамения» (в церкви Софии) устранена большая молитва патриарха (стр. 453—454), долженствующая служить ободрением упавшим духом жителям города; 5) то же сделано и по отношению к молитве во время битвы 26 мая (стр. 454—455), и т. д., в том же роде.² Кроме стремления уменьшить объем повести в изложении, нетрудно заметить, что сокращения коснулись прежде всего боевых эпизодов. Целью же уменьшения объема руководился, повидимому, составитель этой редакции повести и в пересказах и перделках содержания в случаях, когда он находил нужным сохранить это содержание, как о том можно судить по нижеследующим примерам:

Хронографическая повесть

Степенная книга

[После отражения второго приступа царя уговаривают уйти из города] и инаа многа изрекоша царю и корабли и катарги дааху ему Зустунеевы. Царь же на долг час умолча, испущаа слезы и тако рече им: хвалю и благодарю съвет ваш и вем, яко на полузу ми она вся, понеже

И много изрекоша ему, забываю ще древняго писания о граде сем, и даяху ему корабли и катарги Зустуниевы. Царь же, весь слезами разливаясь, и никакоже совету их не преклонися, но обещася вкупе с сущими во граде умрети [л. 27].³

¹ Кстати сказать, все цифровые данные о числе павших с той и другой стороны в пересказе Степенной книги обходятся молчанием.

² Оставляю в стороне мелкие пропуски в нескольких строках или даже словах, каковы, например, повторяющиеся в повести размышления ее автора о неизбежности гибели Царьграда, подробности уличной борьбы по взятии города (стр. 450, 458 и др.).

³ Цитирую по рук. Заб. 445, буквально совпадающей с текстом в ПСРЛ, XXI, стр. 1.

могут она тако быти, то како аз сие сотворю и оставлю священство и царство, и церкви божи, и всех людей, в толицей беде сущи, и что ми изречет вселенная, молю вы, рците ми. Ни, господие мои, ни, но да умру zde с вами [449].

Но убо понеже беззаконна наша превзыдоша главы наша и грехи наша отяготеша сердца наша, в еже заповедей божиих не послушати и в путех его не ходити, гнева его како убежим? Царю убо в граде с патриархом, тако же и всему царскому синклиту и всем людем съвет съветующим неблаг, глаголюще сице: понеже он зловерный тако многиа дни стоит безбранно, паки на нас готовится, но да пошлет к нему о мире [450].

[мая в 6 день] удариша из большия пушки — и испаде с стены каменя много, и в другие удариша — и распалася стены велие место [450].

На утраи же паки турки удариша из большие пушки пониже того места и вывалиша много стены. И тако въ другие и въ третие, яко же учиниша место велие, абие въскричав множество людей въскочиша в то место [451].

Царь же бяше в притворе Великия церкви с всеми бояры и стратиги съвещуа о устремлении безбожного, глаголюще: се уже, по вся дни непременно секущиеся с турки, толико тысящ погibe нашего люду, и еще впредь також будет, всех нас погубят и град воспримут; но събравшеся с избранными и назнаменовшеся, изыдем из града нощию в подобно время и, богу помогающе, нападём на них, якоже иногда Гедеон на Мадимлян: или да умрем за божиа церкви, или избавление получим. Тако убо съветующе, мнози на то укланяхуся, надеаху бо ся на царя, зане ведяху храбрость и силу его, велик бо бе зело и исполнн силою, кир Лука же и архидукс и Николае епарх умолчаша длъг час и тако рекоша: се уже пять месяц прошло... [451].

Окаянный же Махмет, собрав воин своих, раздели им места ко приступу: убо Карачьбею противу царских полат и древяных врат и Калихерия, а багаларбеём — восточному против Пигии и Златаго места, а западному против Харсуни всеа, сам же безверный нарек себе посреди их противу врат святого Романа и разрушенного места, столу морскому, Балтауглию и Загану, обе страны от моря, яко да окружат весь град и в едино время и в един час ударити бранию на град по земли и по морю [454].

Прилетевши бо склопу, удари Застунея и врази ему десное плече. И паде на землю, яко мертв. И падоша над ним бояре его и вси людие, кричаще и рыдающе, и понесоша его прочь. Тако же и фрягове вси поидоша за ним. Турки же, слышавше рыдание и смятение людское, и абие воскричавше напустиша всеми полки [456].

За премногия же грехи наша, вси иже со царем и с патриархом совещаща совет и послаша к зловерному Махмету о мире [л. 21 об.].

[Магомет три дня бьет из пушек по стене] тако из большие пушки, и выбиша стену большое место [поправка в рукописи: стены велие место, л. 22].

На утраи же турки наскочиша на полое место [л. 22].

Царь же в притворе Великие церкви со всеми бояры и стратиги съветуя, хотя со избранными своими нощию напасти на безбожного, велик бо бе царь исполнн силою, а иныя их не советоваху [л. 22].

Окаянный же Махмет собра вся своя и раздели им места ко приступу, яко да окружити весь град и во един час ударити бранию на град по земли и по морю [л. 24 об.].

У Зустуня отражено бысть ту десное плече, и понесоша его прочь, кричаще и рыдающе. И тогда турки напустиша всеми полки [л. 26].

В таком же роде делаются и другие сокращения: в них заметно, кроме стремления уменьшить объем подлинника, намерение сократить количество батальных сцен, почему опускаются последовательно второстепенные, по мнению нового редактора, отдельные эпизоды, например, о Зустунее, взявшем на себя защиту наиболее слабых мест стены и с успехом некоторое время исполнявшем эту задачу (447), о неудаче стрельбы из большой пушки после починки ее обручами (449), отзыв Магомета об «охрабрившихся гаурах» (452) и мн. др. Наконец, изменяя таким способом свой оригинал, составитель Степенной книги позволяет себе перестановки в тексте, делающие, правда, иногда несколько более последовательным изложение; таково, например, перенесение эпизода посылки на Запад и к братьям за помощью и прибытия Зустуея с кораблями — эпизода, находящегося в повести после описания первого приступа (447), — к началу рассказа после сообщения об отсутствии в городе собрания людей и братьев царя (445), т. е. до начала самой осады города.¹

Что же касается общей концепции составителя извлечения из повести (или последнего из редакторов Степенной книги) относительно смысла, который он вкладывал в повесть (или принял, найдя его в своем оригинале), то концепция эта осталась в общем неизменной. Та же провиденциально-поучительная тенденция религиозного характера сквозит и в сохраненных сокращенным текстом местах, внешним следом чего являются сохраненные и теперь «богомоления», ссылки на «пророчества» с именами Мефодия и Льва Мудрого и самый конец повести с его утверждением, что если часть «пророчеств» исполнилась, то и остальные должны исполниться (а к ним он относит и будущую роль «русского рода»). Остались в сокращенном тексте частью и размышления автора повести о неизбежности гибели Царьграда за «грехи наша» и «беззакония».²

Оценивая переработку повести о взятии Царьграда в составе Степенной книги как памятник литературный, необходимо подчеркнуть, что здесь почти целиком выветрился первоначальный характер «воинской» повести. Батальные сцены и описания подверглись сильным сокращениям. Следы специальной стилистики этого жанра сохранились лишь как остаточные признаки и по количеству перестали определять поэтику повести в целом. В составе Степенной книги повесть о взятии Царьграда вошла в круг тенденциозно-исторических повестей XVI века.

Этот характер переработки совершенно закономерен. Вспомним, что Степенная книга — в первую очередь официальный религиозно-публицистический памятник, созданный с целью укрепить союз самодержавия и церкви и возвеличить русское феодально-монархическое государство. В соответствии с этой задачей Степенной книги подверглась переработке хронографическая повесть о взятии Царьграда. Героическая воинская тема была в ней поэтому приглушена, а важная, по мнению составителя (или редакторов) Степенной книги, религиозно-политическая тенденция — размышления о причинах падения и возвышения царств — была выдвинута на первый план.

¹ Это, вероятно, вызвано влиянием «Иного перевода», где о посылке за помощью говорится в начале повести.

² Эти убеждения составитель даже как будто подчеркивает, прибавив (в начале повести) к сообщению о нарушении мира со стороны Магомета: «Понеже умножишася греси наши, во царех же и во князех и в боляех воздвижеся велие нестроение и межоусобные брани». Этого места не находится ни в хронографической повести, ни в «Ином переводе».

XI

Если признать заслуживающим внимания наше предположение о том, что сказание о построении Царьграда в том виде, в каком мы читаем его в соединении с повестью о взятии Царьграда, явилось одновременно с повестью и принадлежало тому же автору или по крайней мере им было проредактировано применительно к повести, — то отсюда могут получить свое объяснение и другие явления в литературной истории нашей повести. Так, если принять наше предположение, станет нам более или менее ясным образование около повести тех комплексов, о которых была речь в начале статьи. Повесть со сказанием, говорившая о Царьграде, начинающая с его построения и кончая его гибелью, являлась своего рода историей Константинополя, тем ядром, которое притягивало к себе другие произведения, где речь шла о том же Константинополе. К этому ядру, таким образом, подтягивались другие произведения, различные в различных случаях, смотря по интересам и целям составителей комплексов. Отсюда разнообразие по составу этих комплексов, намеченное выше, где, однако, центром остается повесть со сказанием о построении Царьграда. Такова приблизительно литературная традиция повести в XVI и XVII веках.

Иная сторона этой традиции повести вскрывается из соотношения между текстами ее в различных редакциях Хронографа. Хронографическая редакция повести, как мы видели, появилась впервые в составе Хронографа редакции 1533 года. Она сделана приблизительно в то же время, если мы и не имеем данных доказать, что сделана она в интересах этой редакции Хронографа и ее редактором.¹ Став таким образом хронографической, повесть именно в этом виде послужила источником, с одной стороны, для Хронографа второй редакции (1617 года — по Попову) и для отдельно встречающихся текстов, большей частью в составе различных комплексов, с другой стороны.

Состав статей в соответствующем месте Хронографа второй редакции следующий:² 1) «Царство греческое 81-е, Константиново», 2) «Великое княжение Московское [Василия Васильевича]», 3) «О митрополите Ионе [его поставление]», 4) «Взятие Царьграда турками», 5) «Сказание Ивана Пересветова о Магомете, как он хотел сжечь книги греческие».³ Этот Хронограф идет от такого вида старшего, где первоначальный плач уже был заменен повестью.⁴ Прежде всего в Хронографе второй редакции обращает на себя внимание то, что, внося повесть, редактор его выкинул в этом месте сказание о построении Царьграда,⁵ чем устранил ту хронологическую непоследовательность, которая была упомянута мною по отношению к первой редакции Хронографа, а затем — и это главное —

¹ Это представляется вполне вероятным: обычно отдельные произведения, вносимые в обширные исторические компиляции вроде Хронографов или летописных сводов, подвергались при этом изменениям, большей частью сокращениям, применительно к плану самой компиляции.

² Это глава 157 (или 158) обычных списков Хронографа этой редакции, соответствующая главе 207 в Хронографе первой редакции.

³ Таков состав этой главы по спискам, мною просмотренным: Цук. 168 (рук. 1657 года), Цук. 169; Увар. 750 (в лист, XVIII в.); Чуд. 356 (в лист, XVII в.); Заб. 684 (Хронограф особого состава, но близкий ко второй редакции; здесь повесть — в главе 168); Синод. 135 (из него повесть напечатана А. Поповым в «Изборнике», стр. 160—165); Епарх. 750; Единоверч. 83; ГИМ 1305; Увар. 306 и нек. др.

⁴ См.: А. А. Шахматов. К вопросу о происхождении Хронографа, стр. 119.

⁵ Однако редактор сохранил его в тексте, совпадающем в § 9 главы 119 первой редакции и в главе 79 (Цук. 168, л. 263 об.), где сказанию и следовало быть: здесь речь идет о царствовании Константина Великого.

сократил хронографический текст. Сокращение сделано, повидимому, опытной рукой, притом человеком, руководившимся несколько иными воззрениями, нежели автор повести. В большинстве случаев, где расказ совпадает с источником, мы имеем перед собою свободный пересказ источника, причем сокращавший, видимо, охотно пользуется словами и оборотами оригинала, применяя их, однако, согласно своему построению фразы. Вследствие этого у него в иных случаях получается иное, нежели в оригинале, освещение факта, как будто новый факт, на деле же искажение оригинала; но таких случаев очень немногих. В результате такой редакционной работы получился все-таки стройный текст, но иного характера, нежели оригинал. При ближайшем сопоставлении текстов «хронографической» и «сокращенной» редакций XVII века останавливает на себе внимание стилизация заглавия в последней: вместо заглавия первой редакции (где оно есть) здесь читается оно с характерным добавлением: «О взятии Царяграда от безбожного Махмета, Амуратова сына, турецкого царя, еже при Константине царе, сыне Маноилеве» (Шук. 168, л. 513),¹ чему соответствует и распространенное начало самой повести: «В лето 6961 во царство благочестиваго царя Константина, сына Манойлова,² а при великом княжении Московском Василия Васильевича и при Ионе митрополите Московском и всеа Руси, царь Махмет, салтан турецкий, сын Амуратов...» (там же). Этим распространением заглавия и начала повести составитель второй редакции Хронографа окончательно связал повесть с самим Хронографом как историческую повесть, подчинив ее тому историческому принципу, на котором основан его Хронограф. Он усилил этим добавлением ценность ее как исторического источника, придав ей хронологическую точность. Этот «историзм», внимание к историческому факту, как таковому, мы наблюдаем у редактора Хронографа второй редакции и в других случаях. Самое же сокращение повести проведено довольно сильно: большая повесть, занявшая в рукописи в лист 27 листов, во второй редакции Хронографа уместилась приблизительно на 5 листах (Шук. 168) довольно крупной скорописи. Достигнуто это сокращение прежде всего путем больших механических пропусков оригинала, затем сжатым изложением сохранных мест. Вместе с тем, присматриваясь к этим сокращениям, можно уследить не только механический труд, но и принцип, которым руководился редактор в своей работе. Стремясь придать повести объем, соответствующий другим статьям Хронографа, он взглянул на повесть как на чисто исторический источник сведений, прежде всего интересных читателю фактами из истории осады и взятия.

Редактор 1617 года отказался, следовательно, от взгляда на повесть как на художественное произведение, притом проникнутое известной религиозно-поучительной тенденцией, которая так характерна для воинской повести XVI столетия. Этого от него потребовал общий характер и назначение Хронографа, несколько иные в XVII веке, нежели то было

¹ В первой редакции: «Взятие Царяграда» (Востр. 1132), «Сказание о взятии Царяграда» (Увар. 544) или: «Сказание о взятии Царяграда безбожным султаном турецким» (Увар. 1052), «Взятие Царяграда от безбожного Магмета, Амуратова сына, салтана» (Синод. 792).

² Таким образом, на основании 207 главы (стр. 436) Хронографа старшей редакции исправлена ошибка повести, перешедшая во многие списки ее: она называет царя Константина Ивановичем, т. е. сыном Иоанна Калюяна VIII (1425—1448), на деле же он был сыном Мануила II (1391—1425) и, стало быть, был Мануиловичем и братом (а не сыном) Иоанна VIII, Фомы и Дмитрия (деспотов), которых знает (впрочем, не называя по именам) и повесть. В первоначальной (или в более близкой к ней) редакции повести византийский царь назван только Константином (без отчества): см. изд. Леонида, стр. 6.

в предыдущем: к истории теперь предъявлялись требования, более близкие к научным, нежели раньше, которые были прежде всего поучительными. Да и самое понимание излагаемого события у редактора стало несколько иным. Он на осаду и взятие Царьграда взглянул не столько как на борьбу греков с турками, сколько как на борьбу царя Константина с султаном Магометом. У него центром внимания являлась, с одной стороны, личность царя, его боевые подвиги, его боевая деятельность, как главного вершителя всего, совершаемого греками, и султана — с другой, также как двигательного начала действий турок. Этим представлением о значении личности царя и султана объясняется то, что в этой сокращенной редакции повести не находим таких эффектных, красочных эпизодов, как удачный выстрел Зустуenea, разбивший большую турецкую пушку (448), жестокая битва, где пало более 5 тысяч греков и более 35 тысяч турок (449), взрыв подкопа, устроенного греками (450), не находим рассказов о боевых подвигах отдельных лиц — единоборство Рахгавая с Амарбеєм, спасение Зустуenea в единоборстве с янычаром (451), подвиг трех братьев, убивших двух богатырей Сарацин (456), и др., опущен почти целиком такой факт, как первый приступ турок к городу:¹ во всех этих эпизодах царь никакой активной роли не играл. Наоборот, в сокращении сохранены, иногда в пересказе, те места, где царь проявлял инициативу, притом преимущественно удачную, сохранена даже общая характеристика его, как необычайно сильного бойца (453), уцелел эпизод единоборства царя с Бегиларбеєм (457), почти без сокращений изложены последние дни и часы жизни царя и рассказ о его смерти (458) и т. д. Другой ряд сокращений также характерен для этой редакции повести: систематически опускаются «богомоления», столь характерные, как мы видели, для поздней воинской повести. Почти отсутствуют и те благочестивые размышления автора пространной повести, которые говорят о неизбежности predetermined гибели Царьграда,² и, подавно, ссылки на апокрифические пророчества о Царьграде с именами Мефодия и Льва, а также, разумеется, самый конец большой повести с предсказанием о «русском роде» как будущем победителе Измаила.

Манера же сокращения старшего текста видна из следующих сопоставлений:

Первая редакция Хронографа
(ПСРЛ, ХХІ)

Вторая редакция Хронографа
(Цук. 168)

[Когда Магомет подошел к Царьграду: царь посла к Магмету салтану посланники, хотя уведати бывшее, и о миру глаголати. Он же океанный и безверен сый и лукав посланников отосла бездельны, а сам предивным ополчением и страшным движением по суши и по морю приступив к царствующему граду [445—446].

Царь же Константин посылает к Магмету послы, прося смирение, он же небрег, но паче на ярость подвизашеся и повеле со всех стран ко стенам града приступати [л. 513].

Патриарх же Анастасие и святители и весь священнический чин бяху непрестанно молящеся о милости божи и о избавлении града [446—447].

Патриарх же Анастасии со всем священным собором в Велицей церкви со слезами молящеся богу о избавлении града [л. 513 об.].

¹ Сказано только: «Султан поведевая со всех стран ко всем стенам града приступати. Людие же, сущии во граде, недоумевашуся, что сотворити, бе бо агарян много зело, и сего ради беспрестанно по 13 дней прменяющеся приступающе ко стенам града» (Цук. 168, л. 513).

² Вот, кажется, единственное место в этом роде: когда царь убил Бегиларбея, «и тако устремилася греки со царем своим на турки и прогнаша их из града; но убо аще и тмами подвизашася, а богия суда гонезнуги не могоша» (Цук. 168, л. 516 об.).

Турки всех людей с стен збиша, абие воскричаше все воинство и нападоша на град вкупе со всех стран, кричаще и вопиюще, овни с огни различными, а иныи с лествицами, друзии с стенобитными хитростями, и гны мнози козни на взятие града; градские же людие такожде вопияху и кричаху на них, быющеся с ними крепко. Царь же объезжаше по всему граду, понужаа люди своа, дающе им надежду божию, и повеле звонити по всему граду на созвание людем. Турки же, услышавше звон великий, пустиша сурныа и трубныа гласы и тимбан тмочисленных. И бысть сеча зла и преужасна: от пушечного бо и пищального стуку и звуку звонного, и от гласов и воплей, и кричания обоих людей, и от трескоты оружий, такоже и от плача и от рыдания градских людей и жен и детей, яко и земле поколебатися, и не бы слышати друг друга, что глаголеть, бысть яко гром велий» [447].

Царь же Константин посылаше по морю и по суху в Аморию к братьям своим и в Венецию и в Зиновию о помощи. Братиа его не успеха, понеже расприя велиа бе между ими и с Арбонаши ратовахуся, а фрягове глаголаху в себе: «не дейте, да возмут турки, а у них мы возьмем Царград» [447].

Зустунеа сбрався вкупе с патриархом, начаша увещати царя, глаголюще: «видим, господи царю, яко сей безверный не ослабляет делом, но паче готовится на большее дело, и что сотворим, помощи ни откуду чаюше? Подобае тебе, господи царю, изыти из града сего на подобное место. И сия слышавше людие твои и братиа твоа к тебе придут на помощь, но и Арбанаши убоявся придут к сим же, еда како и сей безбожный Магмет устраився отступит от града». Сия же и инаа многа изрекоша царю и корабли и катарги дааху ему Зустунеевы. Царь же на долг час умолча, испущаа слезы и тако рече им: «хвалю и благодарю съвет ваш и вем, яко на ползу ми сиа вся, понеже могут сиа тако быти, то како аз сие сътворю и оставлю священство и церкви бсжиа и царство и всех людей в толицей беде сущих, и что ми изречет вселеная! молю вы, рщите мне? Ни, господие мои, ни, да умру зде с вами» [449].

[Магомет] по три дни собрав паши свои и санчянбеев, тако рече им: «видим убо, яко гаурове охрабришася на нас и тако, бранящеся с нами, не можем их одолети, понеже о едином месте братися о разрушенном многими людми невместно, а малыми людми, и они премогают нас и тако одолеваот нас. Но да сотворим паки ягму, якоже и пръвие: придвигнувше туры и лествицы к стенам града на многиа места и, разделившимся гражданом по всем местам на супротивление, абие, приступим к разрушенному месту». И еще совеща окаянный, тако и сотвори [452].

Царь Константин непрестанно обходя по всему граду, понужая люди, дающе им надежду на бога. Егда же безбожнии въздоша на стены града, греки же крепко сечахуся с ними и збиша их со стен, турки же паки крикнуша со всех стран и паки въздоша на стены и вострубиха в трубы и възграша в варганы и тимпаны тмочисленные, також и во граде греки учиниша звон по всем церквам, и бысть шум — не слышати друга ко другу глаголюща, и к тому плачь и рыдание жен и детей и сирот, мнети убо, яко и самой земли колебатися тогда. И бысть сеча зла и ужасна [л. 513 об.].

Царь же Константин посылаше по морю к братии своей во Амморею и в Виноцею, прося помощи, и ничто же успе, бе бо про между себя имеяху. Посла же и в Рим к латинам, и сии рекуще: «не поможем греком; аще турки град возмут, а мы у них возмем» [л. 514].

Патриарх ж Анастасии и вси людие моляху его глаголюще, да изыдет из града на место подобное, некли придут к тебе братиа на помощь, и враги убоящеся отступят от града. Он же отвеща рече им: «како могу сотворити се, еже оставити святыя церкви и людие сия, в толицей беде суща? И что ми вселенная речет? Не изыду, дондеже зде умру с вами» [л. 514—514 об.].

Собрав же Магмет паши свои и воеводы свои, сиче рече им: «что сотворим? Видим бо гауров сих охрабrevшихся противу нас и тако борющеся с нами и не можем их одолети. Сотворим: придвинувше туры и лестницы многи и разделившеся по всем местом». Совецав же ся окаянный и сотвори [л. 514 об.].

[После второго «знамения»] патриарх же Анастасей вскоре, собрав весь клирик и сигклит, поиде к царю и рече ему: «светлейши царю, вся прежде реченная о граде семь добре веси, тако и отшествие святого Духа виде, и се паки ныне тварь проповедает погибель града сего, молим тя: изыди из града, да не вси вкупе погубнем, бога ради изыди». И поведаша много деяний прежних царей и сим подобна. И не послушаше их царь, но отвещаваше: «воля господня да будет» [456—457].

Патриарх же прииде ко царю и рече ему: «изыди, царю, из града: се второе знамение и тварь являет граду погибель. Царь же рече: «единою глаголах, еже ми zde умрети за святыя церкви и не изыти» [л. 516].

Перерабатывая при помощи таких приемов старший текст, редактор почти не привлекал иных источников; можно только отметить, что в его распоряжении был также такой текст Хронографа, где вместо повести читался еще плач. После обстоятельного указания, когда произошло взятие Царьграда (в первых строках переложения), он называет Магомета сыном Амурата, праправнука Аркана, царя Ачамийского, чего не было в его оригинале повести. Это указание он нашел в плаче, где дается та же генеалогия Амурата, со ссылкой редактора Хронографа редакции 1512 года на одну из предыдущих глав (именно, на 202-ю) того же Хронографа или же в самой 202-й главе.¹ Конечно, это добавление только уточняло хронологию повести, подчеркивая внимательность редактора к исторической ценности фактов, но ничего не прибавляя по существу к содержанию повести.

В результате параллельного изучения «хронографической» (1533) и сокращенной (1617) редакций повести мы получаем возможность заключить, что в начале XVII века первоначальная пространная повесть претерпела значительные изменения. Изменения эти выразились не только в сокращении ее объема, но также и в изменении идейного ее направления. В тексте 1617 года подчеркнута роль царя в течении событий, ослаблен религиозно-поучительный элемент,² а, кроме того, утрачены почти целиком характерные особенности воинской повести XVI века.

Все эти изменения — результат того общего процесса «обмирщения» литературы в XVII веке, который дает себя чувствовать уже в начале века и идет, прогрессируя с течением времени.

Дальнейшая судьба этой редакции повести была, повидимому, не сложна. Вне Хронографа второй редакции она большого распространения, кажется, не имела, уступая место более влиятельной и популярной хронографической повести, и в XVII веке продолжавшей оказывать влияние и дававшей источник для более или менее частых копий в ком-

¹ В плаче мы читаем: «первое убо рекох о них [турских царях] пространнейше... ныне же вкратце реку». Сказав кратко о происхождении турецких султанов от Аркана, царя Ачамийского, он заканчивает: «правнук убо царя оного инока Аркана, сын же Арканов Амурат, иже многи страны покори на востоце и на западе, Амуратов сын Баозит, Баозитов же Махамет, а Махаметев Амурат, а Амуратов сын Магмет» (ПСРЛ, XXI, стр. 437). Таким образом получается: Аркан — Амурат I, его сын — Баязет, сын Амуратов, внук Аркана — Магомет I, сын Баязета, правнук Аркана — Амурат II, сын Магомета I, праправнук Аркана, отец Магомета II.

² Здесь у трезвого, в общем, и даже, пожалуй, суховатого историка-редактора остались, однако, упоминания об обоих «знамениях» и кое-где привычные выражения: «по грехом нашим», «попущением божиим» и т. п., что понятно для человека XVII века. Сохранение же «знамений» может объясняться также и тем, что в этих эпизодах играет роль главный герой редактора — царь. Здесь дана ценная с точки зрения его характеристики черта: после каждого «знамения» царя уговаривают покинуть город, но он твердо отказывается, предпочитая разделить общую участь (Шук. 168, лл. 515 и 516).

плексах и отдельно и для переделок, правда, сколько можно судить по известным мне текстам, незначительных.¹

XII

Те изменения, крупные и мелкие, первоначального текста повести, которые мы видели, в частности в ее хронографической редакции, наиболее распространенной на протяжении XVI—XVII веков, с несомненностью показали значительную ее популярность в литературе этого времени. Ею интересовались, усердно переписывали, переделывали применительно к современному вкусу и потребностям. Но эта же популярность повести предполагает в то же время и влияние ее на другие литературные произведения иного содержания и прежде всего в кругу произведений, близких ей по теме и жанру, — в среде младшей «воинской» повести. И действительно, есть возможность указать немало таких примеров.

Еще А. С. Орлов отметил, что «История» о Казанском царстве (середина XVI века) была создана под сильным влиянием повести о взятии Царьграда (план, отдельные детали покорения Казани, «знамения» и т. д.).²

Подобного рода воздействие обнаруживается в поздней редакции (XVI—XVII веков) повести о приходе Батыевой рати на Рязань, в «Сказании» о Мамаевщине в редакции XVI века (третья редакция по определению С. К. Шамбинаго), в Летописце Грозного, в «Повести книги сея от прежних лет», приписываемой Катыреву-Ростовскому и особенно отчетливо в «Сказании» Авраамия Палицына. Остановимся подробнее на последнем произведении.

В известном, чрезвычайно распространенном в XVII и XVIII веках «Сказании» Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиевой лавры поляками в его окончательной редакции³ можно найти следы пользования нашей повестью о взятии Царьграда в отдельных деталях повествования Авраамия. До десятка мест этого «Сказания» обнаруживают с несомненностью, что начитанный и опытный в литературном деле автор «Сказания» знал и пользовался нашей повестью. Все эти места касаются прежде всего, естественно, боевых сцен из истории осады монастыря, а затем и других эпизодов. Но, если часть аналогичных повести мест «Сказания» может объясняться общностью поэтики воинской повести вообще, то другие места прямо выдают свою связь и зависимость именно от нашей повести в пла и е. Это находит себе подтверждение и в стилистической близости этих мест между «Сказанием» и повестью. Такое влияние в плане «Сказания» со стороны повести выразилось во внесении Палицыным в свой рассказ кое-каких деталей, расширяющих общее содержание.

¹ Из таких текстов сокращенной редакции вне Хронографа мне известны только: Увар. 146, л. 435 — петровского времени — в виде добавочной статьи к Амартолу, написанной после пробела нескольких листов после него, и Заб. 488, л. 76 (начала XVIII в.; часть рукописи писана в 1714 году Григорием Михайловичем Ртищевым) в сборнике среди выписок из Хронографа и вместе со «Сказанием» Ивана Пересветова, за которым следуют выписки из Александрии, заметка о царевиче Алексее Петровиче, о мире с турками (обе статьи писаны в 1711 году), о ранах Христа и другие статьи. Такой же текст (также со «Сказанием» Пересветова) представляет сборник петровского времени Митмирского музея, описанный П. Н. Поповым (Труды ОДРА, III, стр. 197 и сл.).

² А. С. Орлов. О некоторых особенностях стиля великорусских исторических повестей XVI—XVII вв. СПб., 1909.

³ Все цитаты по изданию: РИБ, XIII, стлб. 957—1272.

К числу таких случаев следует отнести главу 11 (стлб. 1035—1036) — «О видении столпа огненного». Как известно, «Сказание» Авраамия в своем рассказе очень охотно пользуется чудесным элементом — видениями, явлениями, знаменами. Но тогда как в большинстве случаев эти видения, явления и знаменания по содержанию ничего общего со «знаменами» повести не имеют, «видение столпа огненного» несомненно связано с первым «знамением» повести (в церкви св. Софии). Вот как в «Сказании» передается это «видение», которое видели некоторые из старцев монастырских и многие люди «не во сне, а на яву». Старец священноинок Пимен во время ночной молитвы увидал в оконце своей келии свет, взглянул на монастырь и, увидав большой свет, подумал, «яко пожар, мнев, яко врази зажгли монастырь». Присмотревшись более внимательно, он увидал, что это — огненный столп, стоящий над главою церкви Троицы (главная церковь монастыря) и достигавший небес. Напуганный видением, Пимен созвал других старцев и мирских людей; они видели то же и дивились знамению. Понемногу столп стал опускаться и виться, как огненное облако, и через окно над дверью церкви вошел в церковь. Если мы вспомним обстоятельства, при которых было наблюдаемо знамение во св. Софии по рассказу повести, то зависимость рассказа «Сказания» от этого места повести будет вне сомнения.¹

Другой аналогичный случай заимствования отдельного эпизода автором «Сказания» из повести мы имеем в рассказе его в главе 26-й (стлб. 1069—1070) о «лютой зело пищали, зовоймой Трещера» у осаждавших, поставленной ими в роце на Терентьевской горе: «Воеводы повелеша стреляти на Терентьевскую гору по литовскому снаряду из башни Водяных ворот. Ударивши по большой их пищали, по Трещере, и разбиша у нея зелейник. Тако же и от святых ворот с Красных башни удариша по той же пищали и разбиша у нея устие. И видеша с Троицкого града сущии людие, благодариша бога, яко разруши злый той сосуд». Это, разумеется, простое приспособление эффектного эпизода повести о «большой пушке» к иным условиям — осаде Троицкого монастыря.²

Весьма возможно, что под влиянием повести формулировано было и начало 10-й главы «Сказания»: «Осадные воеводы... приговорили... разделить градския стены и башни, и ворота и наряд... да всяк их ведает и хранит свою страну и место и вся... и с приступными людьми бьются с стены, а из града и на иную ни на которую службу да не исходит» (стлб. 1034).³

¹ В повести: осветился весь город, и стражи вообразили, что турки зажгли город, подняли тревогу, собрали народ; теперь увидали, что это — свет, который исходит из церкви и обнял всю «шею [купол] церковную»; потом свет этот «взялся на небо» и исчез во вратах небесных (стр. 253—254). Стало быть, составитель «Сказания» взял внешнюю обстановку «знаменания», но из конца «знаменания», переменив смысл, построил конец своего видения, сказав, как свет «вошел» в церковь, т. е. конечный момент своего образа обратил в начальный. Это изменение понятно: в «Сказании» это видение не имело того значения грозного предсказания, как в повести, а наоборот — благоприятное.

² В повести: «Зустуея же, нарядив пушку свою, ударив тое пушку и расседся у неа зелейник. Сиа же виде, безверный Магмет възьярися до зела» (стр. 448). Откуда у Авраамия явился второй выстрел (с Красной башни), можно догадываться: в иных текстах повести (каков, например, Заб. 200, л. 167) дается вариант к этому месту: «удариша ядром во устие тоя великия пушки и разбиша ю». Имея перед собой оба варианта, Авраамий и составил свой рассказ.

³ Так же, как в повести, решение это состоялось при начале осады монастыря, после стычек с неприятелем за стенами его. В повести: «царь повеле вельможам и мегистаном разделить воиню градския стены и стрельницы и врата... да каждо их ведает и хранит

То же и далее, в главе 14: когда началась канонада поляков по монастырю, «сущии же на стенах града людие, не могуще стояти, сохраняхуся за стены... и тако людие стояще неотступно, ждуще приступу, и о сем едином и крепляхуся» (стлб. 1045) — место, которое могло сложиться под влиянием повести. После начала сильной стрельбы турок из всякого рода оружия «граждане же от бесчисленных стреляний не можаху стояти на стенах, но западше ждаху приступу» (стр. 446).

Помещенная в главе 15-й (в начале осады монастыря) большая молитва осажденных (стлб. 1046—1047) несомненно писана в подражание такой же молитве при таких же обстоятельствах в повести: вся середина молитвы в «Сказании» представляет частью буквальное воспроизведение, частью легкий перифраз молитвы в повести.¹

Нашло себе в «Сказании» отзвук и упоминание повести о непрерывном (в течение 13 дней, днем и ночью) нападении турок на город (стр. 446). В «Сказании» читаем: «литва же и русские изменницы... стужаху гражданом, ратующе град за семь дней без почивания» (стлб. 1050).

Раз приведенные параллели между повестью и «Сказанием» доказывают, что Авраамий пользовался повестью в своем труде, то из того же источника получают объяснение и другие точки соприкосновения у него с нею не только в области плана и тематики отдельных мест, но и в стилистике. Эти последние места построены Авраамием под влиянием стилистических особенностей повести же, как повести воинской. К числу таких построений относятся, например, у Авраамия некоторые описания боевых столкновений, общих у повести с другими воинскими повестями.² Так, сюда следует относить такое описание битвы в главе 49 «Сказания»: «И сступишася обои полцы, и бысть сеча зла и сечахуся на многих местах, бьющися чрез весь день; от оружейного стуку и копейного ломания и от гласов вопля и кричания обоих людей войска, и от трескота оружия не бе слышати друг друга, что глаголет и от дымного курения едва бе видети, кто с кем ся бьет. И яко зверие сечахуся» (стлб. 1145) или более краткое описание в главе 68: «Тогда бо от множества вопля и кричания обою страну не бе слышати и пищального стуку, но токмо огонь и дым восходящ; от дыму же темну облаку нешедшу и покрывшу войско все» (стлб. 1222). Достаточно с этими описаниями сопоставить описание в повести первой крупной битвы (на 14-й день осады), чтобы убедиться в зависимости описания «Сказания» именно от описания в повести:³ мы видим сходство не только образов, но и их словесного выражения.

Оставляя в стороне другие более мелкие точки соприкосновения между повестью и «Сказанием» Палицына, мы с уверенностью можем заключить, что в числе литературных⁴ источников Авраамия была и

свою страну... да бьется с турки с стены, а из града не выходити ни выезжати» (стр. 446).

¹ См. стр. 446. Конец же молитвы в «Сказании» — свой: он составлен применительно к местным условиям — с упоминанием Сергия и Никона и покровительства богородицы, скорее всего, на основании жития Сергия.

² Например, см описание битвы псковичей с поляками в «Повести о нахождении Батерия на Псков» (Чтения ОИДР, 1847, кн. 7 (11), отд. IV, стр. 15).

³ См. стр. 447 повести. Сходные выражения с повестью в цитате из «Сказания» мною выделены разрядкой.

⁴ Например, стлб. 1043 (о начале осады), 1054 (о хождении с иноками по стенам города) и пр.

наша повесть. Почему он обратился к повести, мы можем до некоторой степени и представить себе: Авраамий, как монах и придворный политический деятель Смутного времени, был несомненно начитан в тогдашней литературе, но главным образом — в религиозно-учительной, в религиозно-исторической и, может быть, исторической, но менее осведомлен был в области такой специфической, преимущественно мирской письменности, какова литература военного характера. Кроме того, он, как известно, непосредственным свидетелем и участником событий осады Троицкого монастыря не был (он это время прожил в Москве на подворье своего монастыря), почему он мог писать только по слухам и по рассказам участников осадного сидения (см. стлб. 1023). Все это взятое вместе показывает, что Авраамий сознавал, что на его писательской палитре нет красок для обрисовки боевых событий, а потому он и обратился за ними к Повести о взятии Царьграда, как популярной в его время. В «Сказании» Палицына мы имеем один из заметных фактов влияния повести в начале XVII века¹ на памятник, хотя и родственной по теме, но иной по содержанию.

ХІІІ

Для дальнейшей судьбы нашей повести, главным образом в письменности XVII века, представляют интерес те ее тексты, которые встречаются вне больших компиляций — Хронографов, Степенной книги, летописных сборников. Вероятно, таких текстов этого популярного памятника было довольно много в рукописях, насколько о том можно судить по сохранившимся текстам, в основном в сборниках.² Они представляют собой большей частью или простую более или менее исправную копию с одной из рассмотренных редакций повести (чаще всего «хронографической»), либо пересказ или извлечение из нее, не имеющее редакционного характера; не имея ни возможности, ни особой надобности подробно проанализировать их все, нахожу не безынтересным остановиться на некоторых, намечающих собою кое-какие факты в литературной традиции повести.

К числу таких текстов, думается, принадлежит Увар. 536 (в 4-ку, конца XVII в., лл. 183—218). Здесь текст, хотя он и входит в сборник различных статей, но выделен после чистой части оборота предыдущего листа особой заставкой (травная, черная, печатного стиля) в качестве отдельной статьи сборника. В этой статье, озаглавленной «Бытие о Царьграде, како создан бысть Константином царем и како взят бысть от турецкого царя Бахмета», соединены, как видим, обычные (для комплексов и в Хронографах) рассказы о построении Царьграда и о его взятии.³

По чтению и по составу текст этот далеко не из исправных. Писец, повидимому, относился к своему делу небрежно и механически, допуская много ошибок в словах и формах, внося иногда путаницу и даже бессмыслицу.⁴ Кроме того, в тексте находим сокращения и перестановки,

¹ «Сказание» в окончательной редакции сложилось около 1620 года.

² Судя по существующим описаниям рукописей, например, в собрании Уварова (ГИМ) таких текстов XVII века я насчитал по описанию Леонида восемь (помимо входящих в Хронографы), в собрании Богданова (ГПБ) — тринадцать.

³ Текст сказания о построении Царьграда — обычный и вполне совпадающий с напечатанным в ПСРЛ, XXII, но с добавкой: «Конец строению града», после чего непосредственно в строку и без заглавия идет повесть о взятии Царьграда. Этот текст под шифром Царск. № 401 упомянут А. Н. Пыпиным в его «Очерке старинных повестей и сказок русских» (М., 1858, стр. 215).

⁴ Примеры: «Риму» вм. «в миру»; вместо обычного: «вся, яже наведе на ны и на град твой святыи праведным и истинным судом, сотворил еси грех наших ради и несть»

совершенно произвольные и необоснованные.¹ Тем не менее общий состав текста показывает, что хотя и так небрежно, но списывался он с хронографической редакции: все ее, более или менее крупные, особенности нашли себе отражение в уваровском тексте. Но в конце списка встречаем нечто необычное для «хронографического» текста. Сходство Увар. 536 с ним кончается словами: «и сим грех ради наших сущи же людие всех под солнцем изобладаша владающе двема частми вселенных»,² а далее идет в строку: «Тогда же царь турецкий умудрил, списал книги христианския по-турецки слово в слово... и люто тебе видится, Анастасии, се поругание неверных и грусно сердцу твоему, оно бо есть неверно: иноплеменики веры христианския не познают. Ныне и присно и во веки веков. Аминь» (л. 217 об.). Иначе сказать: перед нами выписка из «Сказания» Ивана Пересветова «О Махмете, како хоте сожеши книги греческие», но в переделке.³ Мы видели, что «Сказание» Ивана Пересветова объединялось в сборниках XVII—XVIII веков с сокращенной редакцией повести из второй редакции Хронографа 1617 года. Здесь же видим его в сочетании с хронографической, притом вместе со сказанием о построении Царьграда (которое по причинам, мною выше указанным, устранено в этом месте второй редакции). Ясно, что Увар. 536 не ведет своего происхождения от второй редакции Хронографа. Мы, естественно, должны предполагать, что текст этот связан с таким комплексом статей о Царьграде, в котором объединялись хронографическая редакция повести и «Сказание» Пересветова. А такой комплекс не только мог существовать, но и на самом деле существовал.⁴ Это ведет нас к литературной и публицистической деятельности Ивана Пересветова. Пересветов, как известно, интересовался причинами падения Византии. Отсюда закономерен его интерес к повести о завоевании Царьграда. Знакома же была она ему не в отдельном виде, а в соединении со сказанием о построении Царьграда Константином Великим. Это видно из его переделки отрывка именно из этого сказания. Легенду об орле и змие он истолковал применительно к своим противобоярским тенденциям, присоединив сюда в таком же освещении и сказанное о царе Константине.⁵ И действительно, в сборнике с сочинениями Ивана Пересветова мы встречаем как раз нашу повесть и притом именно в хронографической редакции.⁶ Если

нам отверзти уст, что глаголати» (стр. 446) читаем: «святым и праведным истинным судом твоим и ныне святыням отверзти уста» (л. 189 об.); наполняю (-я), чаях (-ху), грек («трескот»), говорится («готовится»). Мефодий — папа римский, и т. п.

¹ Например, речь о том, как султан послал войска взять убитых после первого приступа (стр. 447), помещена после рассказа о взрыве (л. 201), куски одного и того же сообщения о посольстве царя за помощью в Амморию помещены в разных местах — в начале и после первого приступа, и т. п.

² Искаженный текст должен соответствовать правильному: «И сим тако бываемым и сице совершаемым, грех ради наших безаконный Магмет седе на престоле царском, благороднейши сущи всех, яже под солнцем и изобладаша владеющих двема части вселенных» (459).

³ Ср. у А. Н. Попова (Изборник..., стр. 165 и сл.).

⁴ Из такого комплекса идет, например, текст в Никоновской летописи.

⁵ Напечатано В. Ф. Ржигой в его исследовании «И. С. Пересветов, публицист XVI в.» (Чтения ОИДР, 1908, кн. 1).

⁶ Таков описанный В. Ф. Ржигой (ук. соч., стр. 11—12) сборник собрания Погод. 1611; напомним состав этого лучшего сборника с сочинениями Пересветова: 1) первая его челобитная, 2) переделка его же из сказания о построении Царьграда, 3) сказание его же о царе Константине, 4) его же сказание о Махмете султани, 5) предсказания философов и докторов, 6) вторая челобитная, 7) повесть о взятии Царьграда турками. Самой повести здесь предшествует, кроме сказания о построении Царьграда, сказание об основании Византии (л. 167 — о Нектанаве). Заглавие же повести в этом списке таково: «О взятии Царьграда от безбожного Махмета салтана, Амуретова сына, турецкого. О семь

допустить весьма вероятное предположение, что самый комплекс сочинений Пересветова с приложением повести обязан составлением или самому Пересветову, или кому-либо другому из ближайшего к нему времени, то и существование комплекса статей о Константинополе, здесь помещенных, мы можем отнести еще к XVI веку. От такого-то комплекса и идет Увар. 536 независимо от Хронографа. Если это так, то можно продолжить и далее выводы из нашего наблюдения: «пересветовский» комплекс (т. е. с включением сказания о Махмете) был известен также составителю второй редакции Хронографа, что, весьма возможно, и навело его на мысль включить сказание о Махмете в свой Хронограф, несколько переделав это сказание.¹ Таким образом, Увар. 536, хотя и неумело слив хронографическую повесть со «Сказанием» Пересветова, дает еще черту для литературной истории повести, проясняя ее отношения к Хронографам.

Несколько иные, нежели предыдущий текст, указания для литературной традиции повести дает текст Барс. 1525, конца XVII века.² В основе барсовского текста лежит опять хронографический, но он подвергся значительным изменениям в результате переработки. Переделка же основного текста повести выразилась прежде всего в сокращении объема всей повести. Сокращение это достигалось главным образом путем простого пропуска отдельных частей оригинала, отдельных эпизодов, иногда довольно значительных. Так, уже в Сказании о построении Царьграда отсутствуют: сообщение о столпе (колонне) Константина, о праздновании «обновления града» и посвящения его богоматери, о заботах о пополнении города жителями, о собирании в город всякой святыни и «достопамятных вещей»; сохранены только заключительные слова (Андрея Критского). Весь рассказ о строительстве Константина свелся к следующим словам: царь создал, кроме церкви Софии, «великия святыя божия церкви святыя мученицы Ирины и грозного воеводы архистратига Михаила и святых божиих церквей, якоже великий Устиниан царь и Феодосии и благоверная царица Евдокия, жена Ираклия царя. По сих же и иные мнози последующе им. И тако наполнися град преславными и великими вещьми, им же божественный Андрей Критский удивився...» (л. 4 об.). Тут, кроме механического пропуска, мы видим и другой прием, практиковавшийся при переделке: сокращенное, сжатое изложение взятого из подлинника материала. Те же виды сокращения применяются и в других случаях; так, эффектные эпизоды из второго приступа турок к городу 30 апреля (о больших двух турецких пушках, первых разрушениях городской стены, об удачном выстреле Зустуня, начале общего приступа) опускаются, взята только последняя общая фраза предыдущего рассказа и дальнейшее, начиная с обращения царя к стратигам и воинам.³ Все сведено к двум фразам: «Турки же по всем местом по вся дни приступаша ко граду, стужающе греком. Царь же же Цариграде положим начало, от кого создан бысть и почему прозвася Царьград», т. е. мы имеем перед собою один из знакомых нам комплексов.

¹ Ср.: В. Ф. Р ж и г а, ук. соч., стр. 11.

² Текст помещен на первом месте (лл. 1—28) сборника, составленного из различных по происхождению тетрадок в 4-ку, писан разгонистой скорописью, кажется, двух писцов. Повесть занимает лл. 6—28 об., ей предшествует, как обычно бывает в этих случаях, сказание о построении Царьграда с несколько своеобразным заглавием: «Сказание о поставлении великого седмохолмного Царяграда, зовомого Константина, ныне же от турок наречеся град Станбол». Самая же повесть озаглавлена: «Сказание о взятии великого преименитого Царяграда, зовомого Константина, от безбожного турецкого царя Магмета, Муратова сына». Текст повести при переплете перебит, порядок листов должен быть такой: 1—7, 16—23, 8—15, 24—28.

³ Здесь выпущена часть текста со слов: «В 30-й же день 2-й приступ По первом приступе» и кончая: «молитися богу со слезами и рыданием» (ПСРЛ, XXII, стр. 448).

Константин часто объезжая[ше] по граду по вся дни, плачуще моля стратигов» (л. 18). Или же слова: «Сия же¹ видев Зустуня и все велможи, сущии во граде, собрашеса вкупе с патриархом, начаша увещевати царя, глаголаше [-люще]: „О царю, видим, яко погании турки неотступно дело творят, но и паче того готовятся на большее кровопролитие“» (лл. 18 об.—19) заменили собою большой абзац с рядом эпизодов: отступление к ночи турок, погребение убитых греков (с указанием цифры), подсчет убитых турок (35 тысяч), молебствие греков по случаю отражения приступа, намерение султана перекинуть трупы убитых в город, подготовка нового приступа на девятый день (ПСРЛ, XXII, стр. 449). Еще пример: большой и подробный рассказ о первом приступе (там же, стр. 446—447) заменен короткой выпиской, составленной частью из фраз, взятых из полного текста: «по неколицех днех бысть ко граду приступ велик зело, и на том приступе побито знаемых греков 1040 [вместо 1740] и фрягов и армен 700, а турков 18 тысяч. И по сем турки ко граду приступиша со всеми полки, ис пищалей великих и ис пушек стреляюще по граду, бьющеса со гражаны день и ночь, да не почивают греки. Царь же Константин посла к братьям своим» (л. 16 об.—17). Такой же крупный пропуск находим и в дальнейшем: описание бомбардировки, завершившейся проломом стены, довольно подробное в подлиннике (стр. 450—451), сокращено до нескольких строк,² а затем речь переходит прямо к военному совету царя в притворе Великой церкви (стр. 451—452); далее — опять большой пропуск (стр. 452): битва Зустуня и затем царя с турками, ворвавшимися было в город, военный совет Магомета, новый план приступа, за которым непосредственно — описание «знамения» в церкви Софии (стр. 453—454) и дальнейшее, кончая распределением стен между турецкими войсками перед приступом (все это передано довольно близко к подлиннику).

Приведенные примеры наиболее крупных пропусков и сокращений показывают, что делавший их не руководился каким-либо принципом. имевшим в виду изменение смысла и характера подлинника, а преследовал цель только более краткого изложения. В сохраненных же при переделке местах подлинника можно, однако, заметить не лишнюю интереса особенность работы перелазгателя. Он относится совершенно свободно к тексту оригинала, большей частью пересказывая его своими словами, перефразируя и распространяя его словесно. Все эти изменения, кажется, направлены к тому, чтобы сделать рассказ отдельных эпизодов проще, яснее и законченнее, почему он вносит иногда нечто вроде мотивировки или объяснения той или иной детали, а иногда даже меняет несколько смысл подлинника. Такое впечатление этой стороны работы перелазгателя мы получим, если сделаем несколько сопоставлений между его текстом и текстом подлинника.

ПСРЛ, XXII

Барс. 1525

Слыша [царь] в сне глас: «В Византии подобает Константинуграду създатися». Абие царь, възбудивсь от сна, посылает в Византию магистров [443].

И се слыша глас: «В Византии подобает Константинуграду создатися, еже ты помышляеши на Троаду».³ Абие царь възбудися от сна, благодарив бога в троицы, немедля посылает в Византию [л. 2].

¹ Т. е., что город чуть было не был взят.

² Вот они: «Сквернавыи же царь Магмет паки повеле бити град в то же место, где же и первые, и в три дни разбиша стену до земли, бысть место поло, и беспрестани турки день и ночь по полому месту из пушек стреляюще, не дающе гражаном заделовати стены» (л. 22).

³ В Сказании перед тем говорилось, что выбор царя останавливался на Троаде.

Бегиларбий... взем копие, напусти на царя. Царь же, подав ему щит, отвезде копие и ударив его мечем во главу и расече надвое до седла [457].

[Магомет] заповеда им [избранным воинам], да улучат царя, аще и до смерти постраждут, или да ис пищали убьют его [457].

Преста сеча, а от града не отступиша, сам окаанный стоа, бергуши своих градов и иных козней, не дадуше гражданию зажещи [455].

и повеле [Магомет] бити пушками и пищалами и стенобитными хитростями и приступы градския уготовляти [446].

И узре царя Константина Багмерей и направя свой щит, и изложи копие на Константина устремився, хотяше копием поразити и с коня на землю низвергнути. Царь же Константин, подав ему свой щит, отвезде копие и, вступи[в] в стремя крепко, и удари Багмерея мечем по главе и тако разсекоша [-ше] его наполю до седла [л. 13 об.—14].

заповеда им, [да] улучат [царя] жива; аще ли не возможно взяти жива, да убьют его; елико же кому поспех прилучитя, и сим обещае честь воздати во веки [л. 14 об.].

уже преста сеча, от града не отступиша турки повсюду, а сам царь Магмет не спачез всю ночь, дозирая своих приступных городков, не даша гражданам зажещи [л. 10 об.].

повеле [ша] по граду бити из пушек и из пищалей и всякими стенобитными хитростями, на многи дни удручая град и разрушая стены, на приступы турком готовитися повеле [л. 6 об.].

В подобных переделках текст идет и дальше, внося якобы новые фактические данные. Так, сообщается, что после взрыва (см.: ПСРЛ, XXII, стр. 450) «бе числом убиенных турок с пятьдесят тысяч» (л. 21), чего нет ни в одном тексте повести из известных. Но несмотря на такое свободное отношение к своему оригиналу, составитель переделки оставил, однако, неприкосновенной религиозно-провиденциальную тенденцию первоначальной повести, сохранив не только «богомоления», но и указания на «пророчества», а также размышления автора повести на тему о неизбежности предрешенной судьбы города. Он даже как будто эту сторону в своей переделке усиливает. Об этом говорит окончание барсовского текста, где переделыватель от себя сделал большое прибавление к своему оригиналу, перед тем исказив и переделав по-своему подлинник. Вот это место: «Сице всем совершаемым грех ради наших безбожный Магмет во царствующем граде сяде на царском престоле и потом всех благороднейших, яже во вселенней обладаша, и владеюще ему два части земли под небесем, одолевающих одолева и самовластных победи и гордостного Артарески морским пучинам предаша, и сербских воевод потребиша и землю их разориша и Трою, предивных [рук.—м] островов седмодесятых царей четырех кралей обладание разрушиша и по всей земли приобиди, окаанные убо истину разумевши всего прежнасилаго [!] Мефодием патриархом и Львом Премудрым¹ в начало царствия на месте сем бывшаго знамения, еже ныне грех ради наших царствующим царь Константин оставил и поручил ти есть взяти, то совершися онаго знамения—змиево одоление, а орлю немощь.² Егда приидет время, тогда последняя совершится во граде сем, яко же и пишет славенским языком: на последок летом християне всех Измаилтян победят и паки седмохолмнаго града воспримут с прержреченными цари и в нем воцарятя во веки» (л. 28—28 об.).³

¹ До сих пор — переделка, правильнее, искажение оригинала (см.: ПСРЛ, XXII, стр. 459—460), без справки с которым нельзя добраться до смысла этой переделки.

² В этом наборе слов ясно одно: речь идет о знамении с орлом и змием, о чем говорится в Сказании о построении Царьграда.

³ Последнее — опять из повести (заключительные слова).

Но и этим не ограничилась работа переделывателя повести: он, имея под рукой такой комплекс сказаний о Царьграде, где, кроме Сказания о построении и Повести, была статья, которую мы условно назвали «Имена Царьграду», использовал и эту статью, сочинив из нее конец всей своей переработки повести, причем сделал это также довольно неумело, исказив свой источник почти до полной невразумительности. Начав говорить об именах Царьграда и оборвав фразу, он переходит к перечню чинов султанского двора и названиям турецких военачальников, чем и кончается текст.¹ Очевидно, у него под рукой был текст комплекса, аналогичный сборнику Больш. 435, где после отдельной статьи о завоевании Византии (взятой из Хронографа — глава 119, § 8 — по А. Попову) помещены: Сказание о построении Царьграда (л. 165), «Имена Царьграду» (л. 174), перечень городских ворот, число церквей и монастырей и перечни чинов султанского правительства (л. 175 об.).²

* * *

Обзор русских повестей и сказаний о падении Царьграда в 1453 году позволяет сделать следующие выводы.

1. События 1453 года имели огромное значение для всего славянского Востока и получили многократное освещение в русской письменности и литературе XV—XVII веков.

2. Первым отражением впечатления от этих событий были записи устных рассказов об осаде и взятии Константинополя, сохранившиеся в некоторых документах (грамота митрополита Ионы 1454 года) и летописных сказаниях ярко выраженного устно-поэтического характера (Софийский временник).

3. В первой трети XVI века в русской литературе появляется цикл произведений о взятии Константинополя турками, тесно связанный с исторической повестью и публицистикой этой поры: краткая повесть — перевод с греческого, около 1508—1520 годов; лирический плач — русское произведение, около 1512 года; хронографический и искандеровский тексты пространной повести — русские произведения не позже 1530-х годов на основе извлечения из записок очевидца и современника осады.

4. В своей литературной истории эти повести и сказания, начиная с своего появления и на протяжении XVI—XVII веков, тесно связаны с Хронографами и сборниками повестей исторического содержания. В составе аналогичных сборников эти повести встречаются в печатных изданиях и рукописях XVIII века.

5. Среди повестей о взятии Царьграда выдающееся положение в русской литературе заняла пространная повесть. Представленная в двух редакциях (искандеровской и «хронографической»), она являлась отправным пунктом для последующих обработок и переделок, существенно изменивших ее первоначальный характер.

6. Составленная русским автором, эта обширная повесть отлилась в форму типичной воинской повести начала XVI столетия, но со вре-

¹ Конец текста приходится на самый конец л. 28 об., и трудно сказать, ввиду сборности всей рукописи из отдельных тетрадок, действительно ли здесь кончался текст, или было еще что-нибудь на следующей, пропавшей, быть может, четвертушке.

² Отсюда-то и попало имя «Станбола» в заглавие сказания о построении (см. выше). Несмотря на все свои недостатки, образцы которых только что приведены, текст Барс. 1525 не лишен интереса для литературной традиции повести: он представляет попытку популяризации, упрощения старого текста в интересах читателей XVII века.

мени внесенный хронографической повести в Степенную книгу она утратила эту первоначальную форму, став сперва обычной тенденциозной исторической повестью, а затем, войдя в сокращенном виде в Хронограф редакции 1617 года, стала исторической повестью в собственном смысле.

7. Наиболее популярная на Руси хронографическая повесть стала центром, около которого группировались разнообразныя сказания о Царьграде. Вокруг нее объединялись в сборниках комплексы повестей об исторических судьбах Византии. Отдельные произведения таких комплексов не раз сливались позднейшими редакторами. Так возникли в составе хронографической повести эпизоды из Сказания о построении св. Софии в Царьграде или вставки из «Сказания» И. С. Пересветова в поздних списках хронографической повести.

8. Обладая незаурядными литературными достоинствами, пространная повесть о завоевании Царьграда турками оказала воздействие на другие воинские повести XVI—XVII вв. («История» о Казанском царстве, Летописец Грозного, поздние редакции сказаний о Батые и Мамае, Катырев-Ростовский, Авраамий Палицын).

9. Остальные два произведения (краткая повесть и плач), появившиеся также в XVI веке, в своей истории связаны с Хронографами: одна — с юго-западной редакцией, на главы не разделенной, другой — с северо-восточной редакцией 1512 года. В общей истории повестей о взятии Царьграда эти произведения использовались для дополнений главным образом при переработках хронографической повести (Верхобрезницкий Хронограф и др.).

10. Несмотря на появление новых переводных источников по истории Византии (псевдо-Дорофей, Малакса и др.), старшие повести о взятии Царьграда, в первую очередь — хронографическая повесть, сохраняют свою популярность как в конце XVII века, так и в XVIII столетии.